

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 99, декабрь 2022

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ И КРИЗИС ПОРЯДКА

Тридцатилетняя война стала «экзистенциальной катастрофой современной Германии, без понимания которой невозможно постичь смысл всей последующей немецкой истории». Такое мнение высказывает Михаэль Штюрмер в книге «Беспокойная империя» (1983), посвящённой истории Второго рейха от Отто фон Бисмарка до Вильгельма II. По итогам этого длительного конфликта Вестфальский мир 1648 года санкционировал дробление территории Германии на более чем 300 монархий, княжеств и вольных городов в рамках шаткого суверенитета империи. В Священной Римской империи «условия Германии были полностью европеизованы»; разделение Германии было предпосылкой для европейского баланса держав.

После попытки французского гегемонизма во время наполеоновских войн, которая привела к концу Рейха в 1806 году, Венский конгресс в 1815 году восстановил «европейскую функцию Германии» в форме Германской конфедерации.

Генри Киссинджер в книге «Дипломатия» кратко излагает дилемму германского вопроса, более двух веков являвшегося результатом «великого замысла» кардинала Ришелье и Тридцатилетней войны: «слабая и раздроблённая» Германия будет искушать своих соседей, особенно Францию, подталкивая их к экспансионизму; объединённая Германия будет терроризировать их. Решение, принятое в Вене, заключалось в сокращении количества немецких государств с 300 до примерно 30; образовавшаяся Германская конфедерация «была слишком сильной для нападения на неё Фран-

ции, но слишком слабой и децентрализованной, чтобы угрожать соседям»¹.

После Реставрации, пишет Штюрмер, Германия вновь стала «краеугольным камнем» интересов европейской державы. Венские балансы повлияли на революцию 1848 года и «во многом обусловили её провал на уровне национальной политики». Только ослабление Венской системы, «спровоцированное европейскими и неевропейскими войнами 1850-х годов вплоть до Гражданской войны в Америке», детерминировало такое соотношение сил, которое сделала возможным единство Германии. Бисмарк ухватился за этот исторический результат, начав «короткие, похожие на дуэль войны» против Австрии и Франции, но это снова перетасовало условия германского вопроса. Штюрмер пишет: «Но национальное государство было создано, как выразился старик Бисмарк, “под угрозой... ружейным огнём остальной Европы”, и ни один немецкий государственный деятель не мог забыть об этом *factum brutum*. Что после этого произошло? По мнению бисмаркианской школы мысли – пресыщение Германии; с точки зрения немецкого национализма рубежа веков – недовольство ситуацией полугегемонии. Национальное государство во главе с Пруссией положило конец старой европеизации Германии. Осознавая опасности, присущие новой ситуации, Бисмарк тут же сымитировал старое положение дел с помощью системы альянсов, на основе которой сделал Германию “иглой европейских весов”. Это означало, что он приглушил роль нового мощного государства в центре континента, чтобы защитить это самое государство от тех последствий, которые его быстрое становление вызвало в Европе. Однако наследники Бисмарка, подталкиваемые переживавшим экспансию индустриальным обществом, были лишены такого выхода».

Бисмарк играл уравнивающую роль в европейской системе, основанной на пяти великих державах: Германии, Великобритании, России, Франции и Австро-Венгрии, – стремясь представить себя как удовлетворённую, пресыщенную державу и иметь союзы, по крайней мере, с двумя из них.

С точки зрения Киссинджера, существуют два разных периода бисмарковского канцлерства. Бисмарк 1860-х годов вплоть до войны 1870 года – это Бисмарк “свободных рук”; он играет на напряжённости между Парижем, Веной и Санкт-Петербургом, а также Лондоном, чтобы победить Австрию и Францию и добиться объединения. Бисмарк 1880-х годов – это Бисмарк множественных, частично пересекающихся и взаимно противоречащих альянсов, созданных с целью снижения напряжённости в европейском балансе; если бы эта напряжён-

ность вышла наружу, то она привела бы к созданию антигерманских коалиций.

По мнению Киссинджера, эта система союзов и противовесов была настолько сложной, что управлять ею мог только гений Бисмарка. Штюрмер в основном берёт во внимание объективную динамику неравномерного развития: с восхождением Германии в качестве промышленной державы, с вызванной этим интернациональной проекцией, сохранение бисмарковской архитектуры оказалось «консервативной иллюзией».

В наших марксистских терминах это включение промышленной мощи в уравнение власти было вступлением в эпоху империализма. Это имело последствия для баланса отношений сил, которые выходили за пределы европейской шахматной доски. Утверждение промышленной мощи в мировой экономике также означало появление Америки в качестве нового фактора силы, а на расстоянии и Японии, как показала русско-японская война 1905 года.

Германия должна была потерпеть поражение в первой мировой войне, потому что в новом мире промышленной и финансовой мощи преемственность британской гегемонии будет оспариваться не только державами европейского баланса, но и державами глобального баланса, в котором Соединённые Штаты были новым игроком, конкурирующим с Германией за вытеснение Англии. Это будет справедливо и на военно-промышленном уровне: новой отличительной чертой империалистической войны станет её тотальный характер; американская интервенция в Европе в апреле 1917 года станет поворотным пунктом в конфликте.

В XX веке империализма ускоренная динамика неравномерного развития делала гарантию порядка невозможной.

(продолжение на стр. 2)

Ноябрь 2022 г.

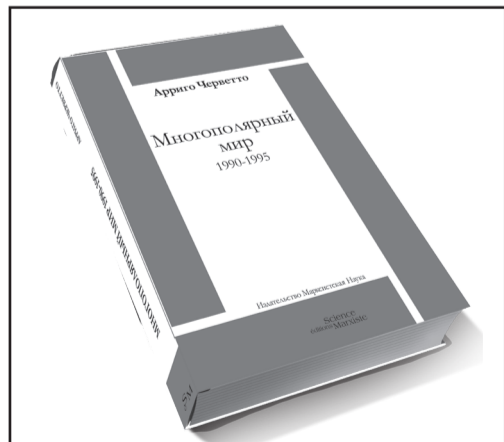
1 – Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 68.

Содержание

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ И КРИЗИС ПОРЯДКА	стр. 1
Берлин между европейским и глобальным равновесием	стр. 2
Угрозы рецессии	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Цезура Брексит и вызов Риши Сунака	стр. 4
Москва регистрирует сомнения “не-Запада”	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Авантюры русской идеологии	стр. 6
<i>Выборы в США</i>	
Борьба между республиканцами решает исход промежуточных выборов	стр. 7
<i>Крупные группы ЕС в 2021 году</i>	
Европейские группы оказались зажаты в переходе от пандемии к войне на Украине	стр. 8-9
Трансформации и неизвестные факторы ТТП	стр. 10
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Трудный путь международного сотрудничества	стр. 11
<i>Гиганты Азии: Китай в новом веке империализма</i>	
Съезд “решающего десятилетия”	стр. 12-13
Япония и Южная Корея обсуждают сдерживание	стр. 14
<i>Выборы в Бразилии</i>	
Утверждение нового политического цикла	стр. 15
Десятилетие бурь	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Гиганты Азии

Интеллигенты Ху Яобана	стр. I
“Немецкая партия” уравнивает “японскую партию”	стр. II
Паника 1988 года	стр. III
Паника 1988 года вызывает призрак фрагментации	стр. IV

Арриго Черветто

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Берлин между европейским и глобальным равновесием

(начало на 1-й стр.)

«Грозная», поскольку единая, Германия в центре Старого континента, которой «угрожают» клещи Франции и России – такова, с точки зрения Штюрмера, была дилемма немецкого вопроса в европейском равновесии в промежутке между двумя мировыми войнами в XX веке. После этой двойной катастрофы, второй тридцатилетней войны, действительный раздел в Ялте вернулся к старому решению о разделе Германии, и новая Вена стала неравным балансом между Вашингтоном и Москвой на обломках Германии и Европы. Распад СССР в 1989–1991 годах вновь открыл игру и дал Германии второй шанс; воссоединение, однако, было возможно только при двойной гарантии *Westbindung* – связи на Западе с США в рамках Атлантического альянса и Францией в Европейском союзе, а восстановление единства сопровождалось *уступкой суверенитета ЕС и федерации евро*.

Согласившись на единство на атлантических условиях, Вашингтон застраховал себя от риска того, что Германия сможет свободно двигаться на восток и в сторону Азии. Берлин, однако, также оказал влияние на Москву и слабого Михаила Горбачёва, благодаря своей финансовой мощи и двадцатилетней экономической связи с СССР, основанной на обмене российского газа и нефти на немецкий капитал и оборудование. Эти отношения, являющиеся основой *Ostpolitik*, предпринятой Вилли Брандтом в 1970-х годах и продолженной в последующие десятилетия Гельмутом Шмидтом, Гельмутом Коле, Герхардом Шрёдером и Ангелой Меркель, в течение полувека были де-факто третьим альянсом, созданным Германией, но он плохо переносился США, что неудивительно.

Это «пересекающиеся альянсы» уже не рейха, а Федеративной Республики Германия; энергетической *Рапалло* между Берлином и Москвой было, по крайней мере до 24 февраля этого года, частью новой сети *многочисленных альянсов*, которые сопровождали второе объединение Германии с 1990 года. В новом столетии атлантические связи уже прошли проверку на прочность в связи с наступлением *новой стратегической фазы*, вторжением китайского империализма в Азии, относительным упадком США и беспорядочными волнениями президентства Трампа. Война на Украине поставила под угрозу *российскую связь*, возможно, на целое десятилетие. Неудивительно, что неопределённость в отношении нового соотношения сил помещает *рейнскую связь* между Берлином и Парижем в напряжённое положение и даже вновь позволяет появиться призрак *немецкого вопроса*.

Относительно напряжённости между Францией и Германией циркулируют субъективистские, очень поверхностные версии об отсутствии «химии» или обкатке пары Макрона и Шольца. Экономические интерпретации, связанные с конкуренцией между ВПК, автомобильными и энергетическими группами, имеют больше оснований. В частности, Берлин со своим проектом противозападной обороны нацелен на национальные, атлантические и израильские промышленные связи, отсекая франко-итальянскую противоракетную систему. Если контрасты на почве конкуренции между группами в

определённой степени физиологичны, то здесь уже всплывают вопросы, подразумевающие стратегические расхождения, связанные с использованием 100 млрд евро, выделенных на перевооружение Германии. Перевооружение, происходящее в контексте национальных связей и атлантической интеграции, – это одно, а перевооружение под знаменем европейской стратегической автономии – совсем другое.

Точечные стратегические интерпретации касались отношений с Китаем и миссии Олафа Шольца в Пекине. Эмманюэль Макрон хотел бы, чтобы это была франко-германская миссия. Кроме того, он желал бы, чтобы она произошла позже, поскольку присутствие в Китае в преддверии ХХ съезда выглядело как одобрение третьего срока Си Цзиньпина; кроме того, Шольца обвиняют в том, что он организовал визит в привычном формате миссии в сопровождении глав основных немецких групп, продолжая традицию Ангелы Меркель. Кажется, это понятно: Франция как *уравновешивающая держава* не хочет быть втянутой в конфронтацию между США и Китаем, но одиночная миссия Шольца в глазах Парижа слишком сильно пошатнула равновесие и вызвала обычные обвинения в адрес немецкой политики, погрязшей в *меркантилизме* своего экспорта. Миссия Макрона и Шольца была бы чисто политико-стратегической и в большей степени задействовала бы Европейский союз, нежели национальную мощь Германии.

Наконец, более общие стратегические интерпретации франко-германской напряжённости возникают в связи с последствиями войны на Украине. Конфликт, сместив центр тяжести НАТО и ЕС на восток, с одной стороны, ставит Германию в центральное положение, а с другой – разделяет рейнскую ось, при этом Париж опасается маргинализации на южно-средиземноморском фронте, а Берлин вновь подозревается в проведении индивидуалистической политики или политики, сосредоточенной только на атлантическом и северо-европейском направлении.

Среди множества выступлений наибольший интерес представляют два. По мнению Луука ван Мидделаара, авторитетного голландского аналитика, который был помощником Хермана ван Ромпея на посту европейского президента, франко-германскую напряжённость не следует драматизировать. Европа переживает «самый большой шок с 1989 года»; как и тогда, «война на Украине подвергает испытанию континентальные балансы и, следовательно, франко-германские отношения, которые играют в них центральную роль». Германия оказалась в «центре» из-за нового веса Польши и Балтии; Франция, которая считала себя «лидером» и «центром», оказалась на периферии, что ещё больше подчёркивает Брексит. После 24 февраля Берлин начал публичное осмысление своих отношений с Россией; Париж должен сделать то же самое и справиться с возникшим стратегическим «шоком».

Отметим противоречие между тезисом о том, что франко-германская напряжённость не должна драматизироваться, и ссылкой на 1989 год. Тогда была большая стратегическая цезура, которая после сложного кризисного процесса была залатана Парижем и

Бонном; дилемма воссоединённой Германии, которая может поддаться искушению идти в одиночку, кошмар *Sonderweg*¹, был развеян федерализацией евро и сохранением немецкого присутствия в НАТО именно по двум направлениям *Westbindung*. Так и сегодня решение должно быть по этим двум направлениям – в области политических полномочий и обороны. Если это так, то после *атлантического воздушного щита* следует ожидать обнадёживающих шагов в направлении Парижа; прогресс в проекте франко-германского истребителя, похоже, движется в этом направлении.

Второе выступление – публикация Тьерри де Монбриаля на сайте Ifri (Французского института международных отношений). Он пишет, что Германия не полностью свела счёты со своим прошлым, что отчасти объясняет её мобилизацию следом за США, где «долги за Вторую мировую войну имеют большое значение». Параллельно с этим «берлинское видение политических отношений в Европе, места ЕС и роли Германии эволюционировало по ходу событий, приближаясь, возможно, к традиционной точке зрения» – Европа с северо-восточным доминированием и тропизмом, соответствующая традиционной зоне влияния Германии. Кроме того, «можно задаться вопросом о будущих отношениях между Германией и Россией после войны»; «нельзя исключать возможности восстановления тесных отношений между двумя странами».

Столь явное подозрение по поводу обратного пути к «традиционному мировоззрению» возвращается, чтобы указать пальцем на Германию как на силу в центре Европы, а, значит, на национальные амбиции, освобождённые от евро-западных ограничений. Мы считаем, что вопрос *нового европейского центра притяжения* с его географическими и геополитическими суггестиями должен быть помещён в рамки *глобального баланса*, а не только континентального равновесия. Образ смещения центра тяжести ЕС не выдерживает критики, если не учитывать атлантическую взаимосвязь Польши и стран Балтии; сами по себе они не имеют достаточного веса, чтобы разделить франко-германскую ось. Прежде всего – и это урок XX века – вопрос о позиции Германии должен оцениваться в её глобальных связях – по отношению к Соединённым Штатам и Азии.

Поражает одновременность объявления об «атлантическом» воздушном щите и миссии Шольца в Китае: это выглядит как встречная страховка, предлагаемая Вашингтону в тот момент, когда Берлин дистанцируется от американского заявления об изоляции Пекина. Трудно принять интерпретацию миссии Шольца в расхожем ключе *миопии* или меркантилистской *наивности* немецкой политики; невозможно, чтобы не было известно значение *истинного уравновешивающего акта* миссии в Китае в этих условиях.

Саммит Большой двадцатки на Бали полностью подтвердил этот политико-стратегический знак. Позиция Германии совпала с линией Си Цзиньпина, который использовал саммит в качестве возможности для продвижения инициатив GDI и GSI – глобального развития и глобальной безопасности – как основы международной стабильно-

сти, предлагаемой другим восходящим державам, чтобы они могли продолжать своё экономическое развитие.

Линия Шольца представляет Германию и Европу как партнёров линии Си на глобальную стабильность, что является вариацией формулы «*инклюзивной глобализации*». С одной стороны, этот стратегический выбор Германии наследует *доктрине Геншера*, который в конце 1970-х годов был автором линии *империалистического либеризма*, предлагаемой развивающимся странам. С другой стороны, Берлин принимает во внимание, что из этого 30-летнего цикла глобализации, вплоть до кризиса 2008 года, вышли новые державы, в частности, ворвался китайский империализм. Сегодня именно Пекин предлагает себя в роли, за которую в то время ухватилась Германия, в качестве зачинателя и гаранта новой фазы глобализации, которая открывает перспективы для других новых развивающихся держав. В отличие от американской линии, которая до сих пор казалась преобладающей, и которая посредством политики *технологического отрицания* утверждает, что хочет замедлить или сдержать Китай, выбор Германии, похоже, заключается в продолжении стратегии Ганса-Дитриха Геншера, но с новыми характеристиками, которые она приобретает в связи с державным утверждением Китая.

На саммите в Бали подчёркивалось возможное наступление фазы разрядки, о которой сигнализировала встреча Байдена и Си, но сближение Шольца и Си, которое было подтверждено миссией в Китай перед встречей Большой двадцатки, имеет такое же значение. Фактически, сигнализируя о том, что Германия и Европа не желают следовать за Соединёнными Штатами по линии *блок против блока*, Берлин оказал давление на администрацию в Вашингтоне, где продолжают существовать *две руки* конфронтации и переговоров с Пекином; китайские источники сами признают, что позиция Германии способствовала новой американской позиции, но насколько она окажется долговечной, будет видно позже.

Таким образом, на расширенной сцене глобального баланса отношения с Китаем – наряду с атлантическим и рейнским узлом – также должны быть включены в сеть *многочисленных альянсов*, которые Берлин может сделать доступными для европейского империализма, в то время как война отрезала на время отношения с Россией. Парижу придётся смириться с этим. Вашингтон вряд ли сочтёт немецкие заверения достаточными; двигаясь в направлении Азии и Китая, Берлин следует именно тем курсом, который США хотели предотвратить в 1989 году. Что касается Пекина, то его *альянсы* также многонаправлены, но они сопровождают в якобы благожелательном свете утверждение китайского влияния.

Итог всех этих усилий неуправляем, классический непреднамеренный результат параллелограмма сил. Временное просветление не должно вводить в заблуждение: и в новом веке не существует игры баланса, способной избить бурь кризиса порядка.

Угрозы рецессии

Война, инфляция и неопределённость в отношениях держав продолжают определять экономический цикл. Война на Украине вторглась в Европу через цены на энергоносители и подпитывает угрозу европейской рецессии, охлаждая спрос и желание инвестировать. Соображения монетарной и фискальной политики определяются ценовой гонкой.

Уровень инфляции

Динамика инфляции разделяет Европу и США. В Америке инфляция демонстрирует признаки замедления, упав до 7,7 % в октябре в годовом исчислении после пика в 9,1 % в июне. В Европе она всё ещё растёт (до 10,7 %), причём в странах Балтии она увеличилась более чем на 20 %, а в Нидерландах, что удивительно, на 16,8 %. Инфляция в Великобритании выросла на 11 %.

Эта разница лишь частично связана с разными уровнями процентных ставок центральных банков (4 % у ФРС, 3 % у Банка Англии и 2 % у ЕЦБ), но в гораздо большей степени – с различной структурой роста цен: на данный момент, говорит Фабио Панетта, член исполнительного комитета ЕЦБ, более двух третей вклада в итоговый уровень инфляции в еврозоне приходится на энергоносители и продукты питания, в то время как в США на эти статьи приходится менее одной пятой части инфляции. Война на её пороге и энергетическая зависимость увеличивают цены в Европе на продукты текущего потребления. Годовая энергетическая инфляция в Еврозоне составила 42 % и насильственно проникла в стоимость услуг и неэнергетических промышленных товаров, около половины роста цен на которые обусловлено ростом стоимости энергии.

Из данных Панетты можно сделать вывод, что за исключением цены на энергию и продукты питания американская «базовая инфляция» по крайней мере на 2 процентных пункта выше, чем в Европе. Одно из объяснений заключается в том, что после закрытия и ограничений, связанных с пандемией, цены на услуги и товары, которые долгое время оставались сжатыми (в таких сферах, как туризм, общепит, отдых, автомобили), восстановились сильнее, чем европейские.

Инфляция и прибыль

Другое объяснение, изложенное в *Financial Times* главным экономистом отдела управления активами банковского гиганта UBS Полом Донованом, заключается в том, что инфляционная волна усиливается за счёт роста прибыли: «Компании переложили более высокие расходы на клиентов. Но они также воспользовались обстоятельствами, чтобы увеличить размер прибыли. Расширение инфляции за пределы, обусловленные ростом цен на сырьё, вызвано скорее увеличением размера прибыли, чем заработной платы». Донован подсчитал, что, к примеру, в гостиничном и ресторанном бизнесе США, несмотря на то что расходы на заработную плату с поправкой на производительность выросли на 5–6 % с конца 2019 года, цены в отелях и ресторанах увеличились на 16 %. Экономист также не согласен с вводящим в заблуждение нарративом об инфляции: 22-процентное повышение стоимости пшеницы используется для оправдания 15-процентного повышения цены на хлеб, но

ведь «лишь 10–15 % цены хлеба приходится на стоимость пшеницы». В развитых экономиках стоимость продуктов питания в основном зависит не от стоимости сырья, а от стоимости рабочей силы. И стоимость рабочей силы увеличилась меньше, чем стоимость пищи, которой она питается.

Кристин Лагард в своём анализе инфляции в еврозоне, наряду с многочисленными и постоянными потрясениями, обрушившимися на континент начиная с 2020 года, также включает фактор «прибылей», хотя и в менее острых тонах. По её мнению, происходит «более сильная и быстрая передача» шоков в конечные цены; в прошлом перенос роста производственных цен на инфляцию промышленных товаров обычно происходил примерно за два года, поглощая часть нормы прибыли, «в последнее время переход к инфляции происходил более быстрыми темпами, всего за полгода [...], рентабельность компаний не изменилась, а в некоторых секторах даже возросла».

Господство монетарной власти

В дебатах о нынешнем экономическом цикле главной обсуждаемой проблемой, по-видимому, стало сочетание монетарной и фискальной политики. И в ФРС, и в ЕЦБ возобладали приоритетная линия на борьбу с инфляцией, даже ценой рецессии, которая, если она придёт, должна быть умеренной. Пессимистический сценарий ЕЦБ прогнозирует рецессию в еврозоне на уровне 0,9 % ВВП в 2023 году, тогда как основной сценарий предполагает скромный рост на 0,9 %. Линия центральных банков является предупреждением – иногда даже явным – правительствам и призвана предостеречь их от принятия экспансионистской фискальной политики, которая могла бы поставить под угрозу ужесточение монетарной политики центральных банков. Управляющий Банком Франции Франсуа Вильруа де Гало предупредил, что фискальная политика, идущая вразрез с монетарной политикой, создаст «порочный круг». В Докладе МВФ по Европе также прослеживается сценарий «порочного круга»: социальная напряжённость подталкивает некоторые правительства к экспансионистским мерам, вынуждая центральные банки к дальнейшему ужесточению монетарной политики. «Техническая рецессия, прогнозируемая в некоторых частях Европы, может превратиться в ещё более глубокую рецессию по всему континенту». МВФ позволяет только те фискальные меры, которые являются «целевыми и временными».

Генеральной репетицией процесса, при котором этот выбор встанет перед многими правительствами, стал сентябрьский политический кризис в Англии. Осуждение МВФ экспансионистских мер правительства Лиз Трасс положило конец последнему. Новое правительство Риши Сунака изменило линию своего существования, перейдя от идеи снижения налогов на 45 млрд фунтов стерлингов к плану жёсткой экономии на 55 млрд, при этом ожидается, что в 2023 году рецессия составит 1,4 %.

Проверка для Лондона, Рима и Вашингтона

В Италии правительство Мелони, продолжив реализацию «повестки

дня Драги», демонстрирует, что оно усвоило английский урок. Инфляция может дать Италии преимущество в виде лучшего отношения долга к ВВП при условии, что соотношение ставок и спреда не станет таким, что за счёт увеличения обслуживания долга съест эту выгоду.

В Соединённых Штатах линия доминирования монетарной власти прошла испытание промежуточными выборами, когда за неделю до голосования ФРС в четвёртый раз единогласно приняла решение повысить ставку на 75 базисных пунктов. После выборов обсуждается возможность замедления темпов роста процентных ставок.

Их быстрый рост имеет предсказуемые последствия в виде снижения капитализации фондового рынка, обесценивания облигаций, краха инвесторов, сделавших ставку на криптовалюты, которые оставили позади вторую группу сектора. Менее предсказуемой была успешная реструктуризация некоторых технологических гигантов, которые доминировали на Уолл-Стрит более 10 лет и превратили пандемию в источник прибыли, когда онлайн-мир, казалось, был лучше реального мира. Теперь они объявляют о десятках тысяч увольнений или грозятся это сделать. «Лёгкие деньги закончились», – комментирует редакционная статья *Washington Post*, рассказывая о «распламе» таких групп, как Meta Марка Цукерберга, Twitter Илона Маска, Amazon Джеффа Безоса, и других за агрессивную политику ставок ФРС. «Метавселенная», пишет *Washington Post*, теперь не очаровывает акционеров, которые «хотят сиюминутной прибыли и планов, способных противостоять рецессиям». «Увольнения в технологическом секторе» являются признаком того, что «всё более маловероятно, что нация сможет избежать рецессии».

Уточним: если инфляция, повышение процентных ставок, война вредят некоторым секторам капитала, то они не обязательно вредят ему в целом. Лондонская управляющая компания Janus Henderson подсчитала, что в сложном III квартале глобальные дивиденды достигли 416 млрд долларов, что на 10 % больше, чем в прошлом году. Нефтегазовые компании выплатили дивидендов в размере 46,4 млрд долларов, что на 75 % больше, чем в 2021 году, а горнодобывающие компании распределили на треть меньше. Компании Тайваня, второго эпицентра мирового кризиса после Украины, выплатили дивидендов на сумму 29,6 млрд долларов, что вдвое больше, чем в прошлом году.

«Чёрное золото» и «зелёное золото»

Конференция ООН по изменению климата COP27, состоявшаяся в Шарм-эль-Шейхе, собрала столько же разочарований, сколько всего год назад посеяла COP26 в Глазго. Война на Украине и использование Россией газа в качестве оружия в экономической войне многократно увеличили уровень цен на энергоносители и прибыль производителей ископаемых источников энергии, укрепив их во мнении, что время замены их продукции возобновляемыми источниками энергии, вероятно, придёт позднее, чем предполагалось в повестке электрического перехода.

Financial Times описывает массивное контрнаступление в Шарм-эль-Шейхе производителей ископаемой энергии, отправивших на конференцию 600 лоббистов. Министр иностранных дел Саудовской Аравии Адель аль-Джубейр утверждал, что климатические цели, направленные против глобального потепления, достижимы и без отказа от ископаемых видов энергии. Глава саудовской государственной нефтяной компании Агамсо заявил, что декарбонизация возможна за счёт инвестиций в технологические инновации, которые Саудовская Аравия сделает, используя 620 млрд долларов своего государственного фонда.

Мы указывали, что повестка ОПЕК (с 2016 года объединённой с Россией в формате ОПЕК+) содержит расчёты, полностью расходящиеся с дорожной картой «зелёного» перехода, опубликованной Международным энергетическим агентством (МЭА) в мае 2021 года. Поставив цель добиться нулевого уровня выбросов в 2050 году, агентство представляет себе «совершенно другой» энергетический мир, в котором при спросе на энергию на 8 % ниже, чем сегодня, можно было бы управлять экономикой, более чем вдвое большей, чем сейчас, и населением на 2 млрд человек больше. 90 % электроэнергии будет производиться из возобновляемых источников, ветер и солнце будут обеспечивать 70 %. Большая часть остальной генерации будет приходиться на атомную энергетику. Доля же ископаемого топлива в общем объёме энергоснабжения должна сократиться с сегодняшних почти четырёх пятых «до чуть более одной пятой».

Теперь же директор МЭА Фатих Бироль в статье в *The Economist* решительно сужает эту перспективу: «Ископаемые виды топлива десятилетиями составляли 80 % мирового энергетического баланса. Мы ожидаем, что к 2050 году их доля упадёт до 60 %».

Накануне проведения COP26 бывший управляющий Центрального банка Канады и Банка Англии Марк Карни создал свой климатический альянс, который может похвастаться тем, что к нему присоединился целый ряд финансовых групп стоимостью 130 трлн долларов – речь о Glasgow Financial Alliance for Net Zero (GFANZ), приверженном принципам защиты «зелёного» перехода. Этот массовый парад «зелёных» финансистов вызвал подозрения в greenwashing – «зелёном» прикрытии для других видов деятельности. По сообщению газеты Сити, британское правительство навязало присутствие, наряду с GFANZ, контрольного органа ООН «Race to zero».

Накануне COP27 Карни разорвал эту связь под давлением американских банков. Только 60 из 240 крупнейших акционеров GFANZ исключили компании с новыми программами разработки угля из числа своих клиентов, только 8 из 122 банков GFANZ установили цели по сокращению выбросов для угольного сектора к 2030 году и только 31 банк поставил такую цель по нефти и газу. Банкиры GFANZ просто подтвердили мнение Марка о банке, который лишь половину является пророком, а половину – мошенником.

Европейские хроники

Цезура Брексит и вызов Риши Сунака

После того, как Дэвид Кэмерон «бросил кости», последовали тяжёлые испытания для Терезы Мэй, затем провал «мягкого» Брексит в пользу «жёсткого» Брексит Бориса Джонсона и, наконец, катастрофа Лиз Трасс: череда взлётов и падений британских премьеров за последние 6 лет похожа на историю о том, как автомобиль съезжает с дороги, тонет в грязи и несмотря на то, что водитель энергично жмёт педаль газа, в конечном итоге увязает всё глубже и глубже. В конце октября в автомобиле появился новый водитель Риши Сунака. Подобно Джонсону и Трасс, он продолжает утверждать, что отказ от Брексит прямо посреди дороги был бы фантастической авантюрой. Если Джонсон и Трасс, казалось, думали, что водительские права и дорожная карта были излишним багажом для их экспедиции, Сунака, напротив, заявляет о своей серьёзности и компетентности в экономике. Он был канцлером казначейства (министром финансов) и, прежде чем стать членом парламента в 2015 году, сделал карьеру в области финансов. Его первые шаги на посту премьер-министра свидетельствуют о стремлении к нормализации отношений с ЕС: он заявил о своём «сильном предпочтении» в пользу «решения путём переговоров» вопроса Северной Ирландии (Times, 11.11.2022). Поэтому он, похоже, хочет отказаться от жёсткой линии Джонсона и Трасс в отношении Брюсселя. Тем не менее вернуть машину в нужную колею будет очень проблематично.

Чтобы оценить, в какой степени нынешняя британская ситуация представляет собой политический дисбаланс, то есть политическую линию, не соответствующую синтезу генеральной линии буржуазии, стоит вернуться назад и проанализировать мотивы, побудившие Соединённое Королевство в своё время вступить в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

«Future Policy Study» Макмиллана

Консерватор Гарольд Макмиллан, премьер-министр с 1957 по 1963 год, вошёл на Даунинг-стрит, 10, после отставки Энтони Идена после Суэцкого кризиса. В то время Великобритания дважды отказывалась от участия в европейском проекте, и господствовало представление о том, что страна находится на пересечении трёх сфер: американской, Содружества и европейской. Поэтому низведение страны до простого члена европейского сообщества воспринималось как потеря статуса.

Поэтому в июне 1959 года в условиях строжайшей секретности Макмиллан созвал высокопоставленных чиновников из министерств финансов, иностранных дел и обороны, чтобы попросить их провести далеко идущее исследование, призванное предсказать мировое развитие между 1960 и 1970 годами и определить роль, которую Соединённое Королевство могло бы сыграть в нём. Это исследование, названное «Future Policy Study», не доводилось до сведения остальных министров вплоть до февраля 1960 года.

В своём тексте 2007 года «Having it So Good: Britain in the Fifties» историк Питер Хеннеси пишет: «Future Policy Study» превосходит по детальности и

масштабам любое сопоставимое исследование места и перспектив Соединённого Королевства в мире из всех, что я когда-либо видел».

Расходы Содружества

В период с 1948 по 1959 год Лондон тратил от 7,7 до 12,3 % ВВП ежегодно, чтобы сохранять свои позиции в мире. Эти суммы, указанные в «Future Policy Study», включают расходы на оборону, экономическую помощь за границей, дипломатические расходы, а также информационные и культурные услуги за рубежом. Следует отметить, что даже эти обязательства не помешали форсированному отходу с позиций восточнее Суэца. В отчёте подсчитано, что 8,5 % ВВП следовало бы тратить на оборону и «зарубежную деятельность», но предупреждается, что это может происходить только за счёт внутренних государственных расходов. Фактически, «если [международные] планы обороны и помощи будут реализованы без необходимых ограничений государственных и частных расходов, это скажется на платёжном балансе и на фунте стерлингов». Однако даже если бы стране удалось добиться роста ВВП на уровне 2,8 % в год, потеря Великобританией позиций по отношению к США и Западной Европе всё равно была бы неизбежной.

По словам Хеннеси, отчёт очень хорошо намекал на то, что «Содружество/Империя больше не может использоваться в качестве мультипликатора относительной британской власти в мире», но также указывал, что «играть ведущую роль в зарождающейся мировой державе по ту сторону Ла-Манша было возможно». Так, в отчёте говорилось: «Европейское экономическое сообщество потенциально имеет огромное значение. [...] Таким образом, если бы «Шестёрке» удалось добиться реальной степени интеграции, то на сцену вышла бы новая мировая держава». Напротив, «вероятно, ни одна из слаборазвитых стран, за возможным исключением Китая и Индии, не сможет приобрести значительную промышленную базу».

«Шестёрка» и «Семёрка»

По словам Хеннеси, решающим событием, побудившим Макмиллана подать заявку на членство в ЕЭС, стал провал попытки организовать саммит четырёх держав: США, СССР, Великобритании и Франции, – который планировалось провести в Париже с 14 по 17 мая 1960 года. Макмиллан надеялся достичь договорённостей с Айком Эйзенхауэром, Никитой Хрущёвым и Шарлем де Голлем о разрядке и ситуации в Берлине. Но из-за того, что за две недели до мероприятия над СССР был сбит американский самолёт-разведчик U2, а его пилот Гэри Пауэрс попал в плен, саммит был отменён.

Советник Макмиллана Филипп де Зулуэта свидетельствовал, что никогда не видел премьер-министра таким подавленным. В своей книге Хеннеси цитирует де Зулуэту: «Это был момент, когда [Макмиллан] внезапно понял, что Соединённое Королевство ничего не стоит; он не мог заставить Айку помахать Хрущёву, а де Голля это просто не интересовало. Думаю, это был поворотный

момент в его жизни». Советник утверждал, что этот саммит имел «решающее значение для развития концепции Европы» в видении Макмиллана.

Отказ де Голля

1 июня 1960 года премьер разослал своим высокопоставленным чиновникам список вопросов, касающихся аргументов за и против членства Великобритании в ЕЭС. Документ, содержащий ответы на эти вопросы, назывался «The Six and the Seven: The Long Term Objective» («Шестёрка и семёрка: долгосрочная цель»), где «Шестёрка» – это страны-учредители ЕЭС, а «Семёрка» – страны, присоединившиеся к британской инициативе Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), а именно Великобритания, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия и Португалия. ЕАСТ начала действовать в 1960 года, но, как пишет Хеннеси, уже в начале того же года Макмиллан понял, что это был «неэффективный рычаг, который не мог заставить «Шестёрку» изменить свою торговую политику». В ЕАСТ не было достаточного количества членов, а большие политические разногласия между государствами-членами сделали её менее сплочённым блоком, чем ЕЭС.

Вопрос номер 7 в списке Макмиллана звучал так: «Как развитие «Шестёрки» повлияет на наши отношения с Соединёнными Штатами и наше влияние в остальном мире?». Ответ в «The Six and the Seven» был таков: если Соединённое Королевство будет держаться подальше от «Шестёрки», «относительное снижение [его] статуса в мире уменьшит [его] влияние в Содружестве».

Вопрос 22 звучал так: «Как изменилась ситуация с тех пор, как министры решили на основе всестороннего обзора 1956 и 1959 годов не присоединяться к общему рынку?». Ответ, сформулированный в виде пяти аргументов, можно резюмировать следующим образом: вероятность успеха ЕЭС была недооценена, а рычаги воздействия, представленные ЕАСТ, переоценены. Опасение, что членство в ЕЭС подорвёт особые отношения с США и Содружеством, уравновешивалось новым опасением: «Шестёрка» могла стать блоком, сравнимым с США и СССР по степени влияния; если бы это произошло и мы остались бы в стороне, наше относительное положение в мире было бы обречено на упадок». К тому времени отказ от участия в ЕЭС считался потенциально опасным для отношений с Соединёнными Штатами и Содружеством.

Согласно отчёту, экономические последствия отказа от присоединения заключались в том, что британская промышленность не выиграет от ассоциации с «Шестёркой», что «может привести к застою и обеднению всей страны». Неучастие имело бы единственную краткосрочную выгоду, заключающуюся в том, что удалось бы избежать реструктуризации экономики, необходимой для сохранения конкурентоспособности.

Один пассаж, появившийся уже в одном из черновиков доклада «The Six and the Seven», но не вошедший в окончательную версию, предупреждал, что в случае присоединения к общему рынку

следует ожидать «значительной оппозиции со стороны некоторых слоёв общественного мнения страны, которая была бы представлена в парламенте и некоторых газетах».

Несмотря на эту потенциальную оппозицию, о которой он, безусловно, знал, в 1961 году Макмиллан подал официальное заявление о вступлении в ЕЭС. Однако из-за вето де Голля, наложенного на решение о членстве Великобритании в 1963 и 1967 годах, ей пришлось ждать окончания эпохи де Голля, прежде чем в 1973 году она смогла наконец присоединиться к ЕЭС.

Вес традиции и её пределы

Основные аргументы, циркулирующие сегодня в защиту Брексит, были развенчаны ещё более 60 лет назад. Однако это не помешало евроскептицизму, сочетающему ностальгию по прошлому и ксенофобию по отношению к мигрантам, захватить власть в Консервативной партии Великобритании. С другой стороны, евроскептицизм не был характерен только для Консервативной партии, даже лейбористы в прошлом разошлись по вопросу о Европе.

Британский кейс демонстрирует, насколько сильным может быть влияние идеологий и традиций, особенно когда они резонируют с мелкобуржуазными и собственническими страхами империалистической демократии, отмеченной нисходящей фазой социал-демократизации и кампаниями в СМИ. В то же время случай Трасс наглядно продемонстрировал, что решающими в конечном счёте являются экономические факторы. Мы видим в этом подтверждение материалистического понимания истории, резюмированного Энгельсом в письме к Йозефу Блоху от сентября 1890 года: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем её при весьма определённых предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счёте решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»¹.

Ноябрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 395.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Москва регистрирует сомнения “не-Запада”

Война вновь поставила перед Москвой дилемму её биконтинентальной природы, оживив азиатский вектор перед лицом поддержки Западом Украины. В более общем смысле распространилась концепция «не-Запада», который противостоит устоявшимся державам и неотъемлемой частью, если не архитектором, которого является Россия.

Дмитрий Тренин, полковник во времена СССР, позже работавший в Московском Центре Карнеги, а сейчас являющийся членом Российского совета по международным делам (РСМД), выдвинул эту гипотезу в апреле. Тезис заключался в том, что попытка вписаться в европейскую систему потерпела неудачу и что Москве следует обратить свой взор на Азию и «не-Запад», фактически рассматривая в этой категории Китай, Индию, страны АСЕАН и другие региональные державы, такие как Турция и Иран.

Нерешительные союзники

Интересно, что сам Тренин сейчас испытывает некоторые сомнения по этому поводу. Он пишет в журнале “Профиль” (14 сентября), что «второй полюс в мире, противостоящий западному, не появился». Такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Южная Африка, и другие «действуют, исходя из своих национальных интересов». Более того, «все формальные союзники России по ОДКБ [военный союз России, Беларуси, Армении и трёх республик Центральной Азии] и её интеграционные партнёры по ЕАЭС, за исключением Белоруссии, заняли подчёркнуто нейтральную позицию, что вряд ли может рассматриваться как пророссийский шаг».

Он не единственный российский аналитик, который фиксирует отсутствие общего благожелательного отношения к Москве. Тимофей Бордачёв из дискуссионного клуба “Валдай” приводит в пример именно некоторых членов ОДКБ и Евразийского союза, которые «ведут себя более чем сдержанно, если не сказать лояльно, по части выполнения требований США в вопросах, связанных с экономической войной против России» (“Валдай”, 26 сентября).

Это не умаляет того факта, что в отношении Центральной Азии Москва пытается казаться привлекательной, даже обращая в свою пользу вызванный войной экономический кризис. Именно Бордачёв вновь предлагает образ евразийской интеграции как “окопа”, в котором можно использовать богатые ресурсы России – от энергии до зерна и удобрений («Валдай», 3 ноября).

Китайская осторожность

Что касается Китая, то Андрей Денисов, посол России в Пекине с 2013 по сентябрь 2022 года, отмечает: «Говорить о [китайской] поддержке не совсем уместно». Он считает, что более точным определением является «понимание»: «Китай понимает и усиливает, которые вынуждена предпринимать Россия ради обеспечения своей национальной безопасности. [...] В то же

время Китай сохраняет нормальные отношения с Украиной» (“Россия в глобальной политике”, 13 октября).

Фёдор Лукьянов, главный редактор журнала “Россия в глобальной политике”, дал интервью французскому Институту Монтеня, в котором, среди прочего, указал на вопрос времени китайско-российских отношений: «Когда Россия начнёт чувствовать, что есть шанс потерять стратегическую независимость (чего пока не происходит), она начнёт дистанцироваться и искать противовесы» (англоязычная версия сайта журнала “Россия в глобальной политике”, 13 октября).

Нельзя не увидеть в этих сомнениях отражение саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшегося в Самарканде в середине сентября. Помимо России, в форуме участвуют Китай, Индия, Пакистан, четыре бывшие республики СССР в Центральной Азии и, наконец, Иран. Там главы двух крупнейших держав «не-Запада», председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Нарендра Моди, выразили своё недоумение по поводу поведения России на Украине. Владимир Путин принял это к сведению и пообещал: «[...] подробно разъясним и нашу позицию по этому вопросу» (kremlin.ru, 15 сентября). Моди пошёл дальше, заявив, что «нынешняя эра – это не эра войн» (ntv.ru, 16 сентября).

На самом деле в Китае есть и более критические позиции, которые выходят за рамки недоумения. “Россия в глобальной политике” 20 июля опубликовала резкую статью Хуан Цина, профессора Шанхайского университета международных исследований: «По мнению китайских стратегов, президенту России Владимиру Путину не следовало начинать масштабную военную акцию». В том числе потому, продолжает он, что «начало российско-украинского конфликта поставило Китай в неловкую ситуацию с учётом того, что Китай и Россия – полноценные стратегические партнёры». «Российско-украинский конфликт, похоже, подтвердил мнение о том, что Россия является негативным фактором в мировой политике, [что противоречит усилиям Пекина] по созданию положительного имиджа создателя».

Исторический разворот

Отношения с Китаем не перестают вызывать неоднозначную реакцию в Москве. Бордачёв, также для Института Монтеня, определяет «китайско-российский альянс, противостоящий Западу, [как] правдоподобный, но, возможно, маловероятный», и в любом случае, если он возникнет, то «потребует длительного периода переопределения границ влияния» (англоязычная версия сайта РСМД, 12 сентября). Иными словами, Москва должна принять к сведению изменения соотношения сил.

Китаец Ван Вэнь, исполнительный декан Института финансовых исследований Чунъян Китайского народного университета, приводит подробные данные о соотношении сил: «В 1991 году экономические показатели Китая и России были схожими. В 2021

СЛАБЫЕ МЕСТА “КРЕПОСТИ РОССИЯ”

Сергей Караганов в интервью “Аргументам и фактам” 16 июня в очередной раз указал на перспективу “Крепости Россия”: перед лицом краха мирового порядка Москве лучше жить укрытой, надёжно защищённой, заботясь о себе самой, при этом не отказываясь от сотрудничества с теми странами, которые чувствуют себя готовыми к этому.

Караганов возвращается к этому вопросу 1 сентября в статье, опубликованной журналом “Россия в глобальной политике”, где он, кажется, проявляет некоторую осторожность. Он исходит из того, что конечные цели войны на Украине «ещё предстоит определить»: защита Донбасса и «освобождение» восточной и южной Украины очевидны, но для достижения полной демилитаризации и нейтралитета Киева необходимо, чтобы «Россия политически, морально и экономически была готова к длительной военной операции». Но уже в среднесрочной перспективе, предупреждает он, «существует риск общественной усталости».

Здесь представитель российского империализма видит возвращение призрака прошлого, «катастрофы 1917 года», которую он определяет как самый трагический эпизод «политической истории России со времён Смуты начала XVII века». Чтобы противостоять этому риску, необходимо начать «внутреннюю мобилизацию», которая должна завершиться «новой Отечественной войной», повторяет он сталинское определение второй мировой империалистической войны. Но в связи с этим возникает сомнение – такая перспектива «может оттолкнуть от власти и государства значительные слои общества, которые обрели относительно сытое, комфортное существование». В Москве тоже, очевидно, озабочены сохранением социальной базы мелкой буржуазии и промежуточных слоёв, но всё ещё могут позволить себе игнорировать революционную роль пролетариата, настоящего архитектора «катастрофы» – для буржуазии – 1917 года.

Связь с социальной базой также проходит через способность гарантировать экономическое развитие, и здесь по-прежнему сказывается задержка долгожданной “модернизации”, реструктуризации производственного аппарата. Фёдор Лукьянов возвращается к этому 13 октября в своём интервью Институту Монтеня. По его мнению, «спустя тридцать лет после распада СССР российская экономика стала более сырьевой, чем в советский период». На технологическом уровне Москва также не смогла в достаточной степени усовершенствовать свою экономику за счёт сотрудничества и взаимозависимости с более развитыми метрополиями. Кроме того, сейчас, когда Россия отрезана «от Запада и всё больше» зависит «от Китая», идея о том, что она способна нагнать отставание, «вызывает обоснованные сомнения».

“Крепость Россия” демонстрирует свои слабости: неизбежно, что наёмные работники будут востребованы в качестве пушечного мяса или сверхэксплуатируемых производителей.

В 2021 году объём экономики Китая был в 12 раз больше, чем у России. В 1991 году доход на душу населения китайцев составлял около 1/6 от российского. В 2021 году доход на душу населения в Китае был в 1,2 раза выше, чем в России (“Валдай”, 21 октября).

Парадигма Большой Евразии

Обеспокоенные голоса оживляют внутренние дебаты, которые, несомненно, выражаются и в “авторитарной” форме российской верхушки. По крайней мере именно это проникает сквозь туман войны.

С другой стороны, есть тезисы, которые всецело поддерживают роль Москвы как силы, которая «ускорит переход к новому миропорядку», России, которая смотрит на Восток и остальной мир. Об этом пишет Алексей Дробинин, директор департамента стратегического планирования МИД РФ, в № 8 журнала “Международная жизнь” за август 2022 года. Он рассуждает так: независимо от того, как будет развиваться война на Украине, «уже сейчас можно констатировать, что 30-летняя эпоха [...] сотрудничества с Западом бесоворотно завершена». Следствием этого является высвобождение ресурсов для того, чтобы смотреть на Восток и Юг: возникает парадигма “Большой Евразии”, которая будет способствовать в ближайшем будущем выстраиванию «новой модели отношений России с европейскими соседями». Она будет опираться не на “европейскую” Россию, а на ту, которая совершит «возвращение к себе» в качестве

«исторического ядра самобытной цивилизации», а именно «евразийской и евро-тихоокеанской державы».

Орлы и драконы

Сергей Караганов, Почётный Председатель Совета по внешней политике и обороне (СВОП), расширяет взгляд на весь «не-Запад»: войной на Украине Россия дала толчок борьбе «за окончательное освобождение мира от пятисотлетнего западного ига»; это борьба за «возвращение не-Западу [...] свободы, достоинства и самостоятельности. И, конечно, справедливой доли в мировом богатстве» (“Россия в глобальной политике”, 27 октября).

Кто-то считает пагубным отказ от западных отношений, особенно с Европой, кто-то смотрит на Восток, в частности на Китай, а кто-то подчёркивает отличия евразийской России: эта классификация течений, движущихся вокруг Кремля, подтверждается в новых условиях, созданных войной на Украине.

Министр иностранных дел Сергей Лавров пытается очертить круг, напомнив на встрече 1 сентября со студентами и преподавателями университета своего министерства, что «наш герб велит смотреть и на Запад, и на Восток, и развивать контакты и с Европой, и с Азией» (“Посольская жизнь”, 4 сентября). Это двуглавый орёл. Но если с Запада на Россию грозно смотрит американский “лысый орёл”, то с Востока точит когти китайский дракон.

Российские хроники

Авантюры русской идеологии

В кривом зеркале идеологий российский правящий класс накануне 24 февраля увидел, что его ждёт великое будущее: Запад находится в упадке, большая часть мира недовольна его гегемонией, следовательно, для Кремля открывается окно возможностей. Затянувшаяся «специальная военная операция», которая порой грозит перерасти в нечто более ужасное, пока не пошатнула представлений российского правящего класса ни о самом себе, ни о мире, который он решил *пересоздать* по образу и подобию своему. Если «*позитивное ядро идеологического презрения к железным дорогам со стороны бюргера [...] заключается в его пристрастии к телегам, фургонам и столбовым дорогам*»¹, то *позитивное ядро презрения российской буржуазии к энергетическому и цифровому переходу заключается в её стремлении продолжать получать экономические и политические дивиденды от нефтяных и газовых залежей Сибири*. В Кремле сохраняют надежду, что потребность в дешёвых энергоносителях сведёт на нет так неожиданно и абсолютно не к месту наступивший момент *атлантического единства*.

Внук «Мистера Нет», директор Института Европы РАН Алексей Громыко придерживается именно этого видения и считает, что «*мы являемся свидетелями и участниками «великого передела» международных отношений, [...] укореняется осознание того, что мир неоправданно меняется. Происходит «каскадная дестабилизация» [...], как в системе сообщающихся сосудов*». Хотя «*оптовые фабриканты*»² представителей правящего класса о самом себе и окружающем мире считают «*свою идеологию творческой силой и целью всех общественных отношений*»³, видимо, не все вокруг посвящены в русскую идею, отсюда и рассинхронизация. В то время как «*США наращивают усилия для удержания остатков мирового доминирования*», а Россия и Китай сближаются, «*многие игроки дезориентированы, занимают выжидательную позицию*» (РСМД, 3.10.2022).

Не по Сеньке шапка

Председатель Президиума СВОП Фёдор Лукьянов – один из ведущих идеологов российского правящего класса. Он отмечает, что хотя в центре «*великого передела» международных отношений* находится противостояние Вашингтона и Пекина, по миру вновь бродит призрак «*большой двойки*» США – Китай. Но изменился исторический контекст. Если в 2009 году «*линия G2*» предлагалась для придания направления восхождению Китая³, то теперь, подчёркивает Лукьянов, «*на повестке дня разьединение, уход от взаимной зависимости*». Поэтому сегодняшняя ситуация «*диктует странноватый курс: сохранять экономическую связь и стараться избежать прямого военно-политического обострения*» («*Россия в глобальной политике*», 16.11.2022).

Очевидно, что Лукьянова, как представителя интересов российского империализма, не радует призрак G2; Москва хотела бы видеть Пекин протагонистом борьбы за изменение нынешнего мирового порядка. Вероятно поэтому в названии статьи имеется аллюзия на картину Фёдора Решетникова «*Опять двойка*» (1952), где изображён школьник-неудачник, которого отчитывает старшая сестра и высмеивает младший брат.

Лукьянов, несомненно, идеалист. Но его идеализм, если воспользоваться мыслью Ленина, высказанной при изучении гегелевской философии, ближе «*к умному материализму*», чем «*метафизический, неразвитый, мёртвый, грубый, неподвижный*»⁴ материализм. Лукьянов прилежно выполняет свою задачу по облачению в максимально приглядные идеологические одежды целей, к которым стремится

российский правящий класс. При этом он видит, что «*фора, которой располагает Запад, велика, хотя и сокращается*» (РСМД, 3.11.2022), отсюда понимание: достичь поставленные Россией цели будет нелегко. На наш взгляд – невозможно.

Материальная база, на которой российский империализм решил взять на себя колоссальную задачу разрушения нынешнего мирового порядка, ставит его в крайне шаткое положение и побуждает с надеждой смотреть на Восток.

Исторические корни путинизма

Журналист Андрей Перцев с большим усердием работает на «*партию империалистического пораженчества*», многие члены которой внесли свой вклад в формирование путинского режима: М. Ходорковский, М. Касьянов, С. Пугачёв и так далее. 18 ноября на сайте Центра Карнеги Перцев описывает современную российскую идеологию, но не может её объяснить. Он погряз в ложном противоречии между стабильностью и свободой.

Чтобы понять сущность современной России, необходим метод исторического материализма. В «*Немецкой идеологии*» Маркс и Энгельс пишут: «*[...] для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительно жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками*»⁵. Жизненный процесс представителей российского империализма протекает на слабом экономическом базисе, а потому его идеологам не остаётся ничего иного, как объяснять все проблемы происками врага и искать основания для своего величия в прошлом.

Поэт и дипломат Фёдор Тютчев (1803–1873) является автором знаменитого четверостишия о том, что умом Россию не понять и, следовательно, в неё можно только верить. Эта выраженная в поэтической форме апология маниакального иррационализма вдохновляла и продолжает вдохновлять большинство деятелей консервативно-реакционного националистического лагеря – от философа Н. Бердяева (1874–1948), утверждавшего, что для освобождения русского сознания «*от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства*» необходимо признать антиномичность русской культуры, то есть её «*жуткую противоречивость*» («*Судьба России*», 1918), до президента Путина, процитировавшего строки Тютчева Саркози.

Российский геополитик Николай Данилевский (1822–1885) в 1869 году писал, что неприязнь Запада к России «*лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов*». Иррационализм.

Константин Леонтьев (1831–1891) – дипломат, консервативный и религиозный мыслитель, считал «*либеральный космополитизм*» с его поклонением всеобщему благосостоянию главной опасностью для России и других православных стран, выступал за союз с Востоком в качестве защитной меры от революционных потрясений. В философском плане он был антропологическим пессимистом, убеждённым в том, что большинство человеческих мыслей социально опасны. Иррационализм.

В своём «*бунте*» против Просвещения русская охранительная идеология нашла спасение в иррационализме, который имеет реальные материальные

ИНТЕРЕСЫ КЛАССА

27 октября 2022 года прошло заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», на котором с программной речью выступил Владимир Путин. Он изложил своё видение международных отношений, традиционно покритиковал либеральный миропорядок, опираясь на русских идеологов Н. Данилевского, Ф. Достоевского и А. Зиновьева. В целом взгляды Путина представляют собой идеалистический цивилизационный подход к историческому развитию (А. Шпенглер, А. Тойнби и другие), что позволяет ему отстаивать тезис об особом месте России в международных отношениях.

Лидер российского империализма продолжает разыгрывать карту одностороннего, антизападного антимпериализма и антиколониализма, но этим он не ограничивается и призывает европейских и американских рабочих бороться за заработную плату. В связи с этим вспоминается один эпизод из политической карьеры Путина. В августе 1999 года, в день своего назначения исполняющим обязанности главы правительства, он дал интервью, в котором речь зашла о «*рельсовой войне*» шахтёров. На вопрос, что произойдёт, если рабочие «*снова выйдут и сядут на рельсы*», Путин ответил: «*Если выйдут, тогда и сядут. Те, кто будет дестабилизировать ситуацию в стране, сядут*».

Заигрывание с антиколониализмом и антимпериализмом, столь характерное для современной российской идеологии, можно рассматривать через ту же научную призму, которую Арриго Черветто использовал для разоблачения маоистской теории единого фронта. Это попытка завоевать дополнительное пространство на мировой арене. Но и здесь история повторяется, как всегда, в виде фарса: лидер российского империализма Путин маскируется под народника Мао.

И ещё: российские рабочие не должны забывать, что государство – это комитет по делам буржуазии. Лидер российского империализма защищает интересы национальной буржуазии, не только когда он обещает посадить в тюрьму бастующих шахтёров, но и когда призывает бастовать рабочих западных стран.

корни. Слабость экономического базиса и вызванные этим ограниченные возможности в реализации собственных интересов на мировой арене упаковываются в футляр особости, традиционных ценностей, которые якобы следует защищать от враждебного окружения.

Филистерство – массовая социальная база путинизма

Профессор Русского Института в Королевском колледже Лондона Гульназ Шарифутдинова (*The Moscow Times*, 28.10.2022) сообщает, что «*согласно одному недавнему исследованию, 43 % россиян поддерживают бомбардировки украинских городов*», и задаётся вопросом, на чём основана столь широкая поддержка Кремля? Почему «*почти 40 % россиян гипотетически готовы поддержать любое решение Путина*»? Причина, по мнению Шарифутдиновой, в том, что «*патриотизм, почитание государственных символов и преклонение перед славой российской истории и недавними успехами страны стали полированным зеркалом, в котором граждане видят себя*».

Иными словами, маленький человек из классической русской литературы, человек низкого социального статуса и происхождения, не наделённый исключительными способностями, не отличающийся силой характера, столкнувшись со слишком большим для него миром, не находит иного выхода, кроме как поверить в собственное величие, привитое государственной пропагандой. Пропагандой того самого государства, чей вес в мировой экономике составлял менее 3 %, а теперь обречён на снижение, но у которого есть атомная бомба и место за столом Совета Безопасности ООН, государства, в прошлом которого было много славных страниц, но будущее которого видится в красках упадка.

Внутренний протест против социальных противоречий сливается в маленьком человеке (филistere, как называет его Маркс) с болезненным желанием возвыситься, приобрести богатство, что в итоге приводит к потере разума; страх перед авторитетом приводит его к безумию или смерти; он не способен изменить свою жизнь, а потому уповает на магию и чудеса.

На российском поле экспериментов всё по-прежнему. Вечность пахнет нефтью.

Ненаучный путинизм

1 ноября на сайте Центра Карнеги либерал Андрей Колесников предлагает свой взгляд на идеологию путинской России, которая, по его мнению, обраще-

на в прошлое. Действительно, российская идеология, как и любая другая, опирается на прошлое, роется в гардеробе славянофилов и евразийцев, примеряет усы Сталина. Если в начале этого тысячелетия российский империализм сделал национальной идеей экспорт углеводородов, то теперь, в контексте заявленного на мировом рынке энергетического перехода, Кремль решил поставить на жёсткую силу. Об этом мы писали в сентябрьском номере нашей газеты.

Журналист Валерий Панюшкин (*The Moscow Times*, 14.11.2022) утверждает, что тем самым «*Россия занимается уничтожением себя, основываясь на ложном представлении о собственном могуществе*». Он указывает на несоответствие между реальной мощью государства и её восприятием лидерами российского империализма. По-видимому, мы можем говорить о случае, когда хвост виляет собакой. Окружение Путина, его идеологи, сформировали преувеличенное представление о силе российского империализма (а также о слабости Запада) и внушили ему осознание собственного величия и исторической миссии. Начатая война подорвала и без того ограниченные силы российского капитала; она не только принесла смерть на фронтах и вызвала массовую эмиграцию, но и ухудшила и без того незавидную ситуацию во многих областях экономики, образования и медицины. Это, несомненно, будет иметь долгосрочные последствия для и без того сложной демографической и экономической ситуации в России. Груз текущих и будущих проблем, как обычно, ляжет на плечи нашего класса – пролетариата.

Заметим, в названии статьи Панюшкин использует образ собаки, которая никогда не выходила из своей квартиры, а когда впервые сделала это, то занялась ловлей птиц. Для собаки это закончилось инфарктом. Чем закончится для российского империализма его попытка сломать существующий мировой порядок?

Декабрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 295.

2 – Там же. С. 421.

3 – «Умиротворение» по ходу конкуренции в связи с восхождением Китая // Бюллетень «Интернационалист» № 91. Июнь 2009.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 29. С. 248.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 25.

Выборы в США

Борьба между республиканцами решает исход промежуточных выборов

Уже в последние месяцы, предвидя неутешительный для республиканцев результат промежуточных выборов, лидер республиканского меньшинства в Сенате Митч Макконнелл в интервью от 16 августа остужал ожидания относительно перспектив получения контроля над Сенатом, заявляя, что «качество кандидатов имеет много общего с результатом» ("NBC News"). Здесь содержалась скрытая критика кандидатов, поддерживаемых Дональдом Трампом.

Демократия денег

Карл Роув, стратег президентских побед Джорджа Буша в 2000 и 2004 годах, в интервью *Wall Street Journal* 9 ноября на вопрос, в чём причина отсутствия "красной волны", ответил: «Дело в качестве кандидатов. Республиканцы выставили слишком много новичков. [...] Некоторые даже были идиотами со странными убеждениями. [...] Многие из этих необычайно слабых кандидатов появились благодаря Дональду Трампу». Уже сама победа Трампа на праймериз 2016 года выявила глубокий кризис внутри Республиканской партии, что подтверждается суждениями Макконнелла и Роува, о которых мы писали ранее.

В политически разделённой Америке, согласно относительно стабильной модели регионального электорального поведения, победа или поражение достигается за счёт перераспределения небольшого процента голосов. Решающую роль играет финансирование кандидатов со стороны групп интересов. Деньги не гарантируют победу, но их отсутствие ведёт к поражению: это необходимое, хотя и недостаточное условие. Так работает демократия денег, как показали наши итальянские товарищи в статье "Влияние и финансирование в демократии денег", впервые опубликованной в январе 2008 года и вошедшей в книгу Франко Палумбери "La democrazia imperialista in America", изданную в 2009 году.

Завоевание мест в Конгрессе становится всё дороже: расходы кандидатов

на промежуточные выборы составили с учётом инфляции 9,4 млрд долл. в 2014 году, 14,1 млрд долл. в 2018 году и 16,7 млрд долл. в 2022 году, согласно данным OpenSecrets (некоммерческой организации, анализирующей финансирование избирательных кампаний).

На последних выборах больше всего демократов спонсировали экономические группы из сферы финансов, страхования, недвижимости и цифрового сектора; энергетическая, строительная и транспортная отрасли, в свою очередь, поддерживали республиканцев.

Борьба в Пенсильвании, Висконсине и Неваде

На промежуточных выборах разыгрывалось 35 сенаторских мест. Поскольку каждая партия располагает районами, где она может быть уверена в результате, борьба концентрируется в тех из них, где к победе или поражению приводит небольшое смещение голосов. Чтобы определить их и понять, что произошло в последнем туре выборов, мы обратились к результатам 2020 года, когда Джо Байден победил Трампа.

Тогда Байден победил в шести штатах с преимуществом над Трампом менее чем в 3 %: в Джорджии и Аризоне с 0,3 %, в Висконсине – 0,6 %, в Пенсильвании – 1,2 %, в Неваде – 2,4 % и в Мичигане – 2,8 %. Разрыв составил всего 313 тыс. голосов, то есть проголосуй 1,2 % от 25 млн избирателей в этих штатах иначе, результат был бы другим. Поскольку сумма голосов выборщиков в этих штатах равна 79, Трамп победил бы с 308 голосами выборщиков, а не проиграл с 232.

На этих выборах Мичиган не выбирал сенатора. Борьба развернулась в других пяти штатах: Джорджия, Аризона, Висконсин, Пенсильвания и Невада. В них было сосредоточено противоборство между демократами и республиканцами за изменение существующего сейчас равновесия (по 50 сенаторов у обеих партий), поэтому именно здесь сконцентрированы самые большие расходы. В Пенсильвании сенатская гонка стоила 374 млн долл., в Джорджии – 272 млн долл., в Аризоне – 235 млн долл., в Висконсине – 207 млн долл., в Неваде – 187 млн долл.

В игру вступает внутрипартийная борьба. Как видно из заявления Роува и Макконнелла, часть лидеров Республиканской партии хотят избавиться от Трампа. Одним из средств мог быть отказ от поддержки его кандидатов, даже если он связан с риском поражения своей собственной партии. На этих выборах шло сражение не только за Сенат, но и за кандидатуру на президентских выборах 2024 года.

Что делать в Аризоне и Аляске?

Несколько гонок иллюстрируют наши слова. В Аризоне республиканцы (два кандидата, которых поддерживал Трамп) проиграли борьбу за места в Сенате и на пост губернатора, но получили на два места больше в Палате представителей по сравнению с 2020 годом. Такой результат противоречив: здесь проиграл Трамп, а не Республиканская партия.

Senate Leadership Fund – это фонд Комитета политических действий (РАС) Республиканской партии: в этом избирательном цикле его затраты составили 215 млн долл. С помо-

	Тысячи голосов			Разница голосов %			Голоса выборщиков		Сенаторы		
	Байден	Трам	Разн.	Байден	Трам	Разн.	Байден	Дем. Респ.			
Джорджия	4.999	2.475	2.462	13	49,5	49,2	0,3	16	1	272	
Аризона	3.385	1.672	1.662	10	49,4	49,1	0,3	11	1	235	
Висконсин	3.301	1.631	1.610	21	49,4	48,8	0,6	10	1	207	
Пенсильвания	6.920	3.460	3.378	82	50,0	48,8	1,2	20	1	374	
Невада	1.404	703	670	33	50,1	47,7	2,4	6	1	187	
Всего	20.009	9.941	9.782	159	49,7	48,9	0,8	63	3	2	1.275

Примечания: *) расходы на сенатскую кампанию обоих кандидатов, млн долларов.
Источник: наша обработка данных из разных источников

ВЫБОРЫ В СЕНАТ 2022

Расходы на выборы (млн долларов), понесённые непосредственно кандидатами и внешними группами

	победитель	кандидаты	внешние группы	всего	голоса	\$/голос
Джон Феттерман (Д)	v	52,1	34,3	86,4	2.678.927	
Мехмет Оз (Р)		32	15,0	52,7	2.467.131	21
Аризона						
Марк Келли (Д)	v	73,5	22,5	96,0	1.186.646	81
Блейк Мастерс (Р)		9,4	19,6	29,0	1.055.566	27
Невада						
Кэтрин Кортес Масто (Д)	v	46,6	19,9	66,5	487.829	136
Адам Лаксальт (Р)		12,3	7,7	20,0	481.273	42
Висконсин						
Мандела Барнс (Д)		32,0	12,3	44,3	1.310.451	34
Рон Джонсон (Р)	v	28,0	23,0	51,0	1.336.873	38

Источник: наша обработка данных с сайта OpenSecrets.org

щью этого инструмента Макконнелл повлиял на местные выборы с помощью антитрамповской стратегии, заставляя деньги перетекать к одному или другому кандидату. В Аризоне кандидат в Сенат, поддерживаемый Трампом, Блейк Мастерс проиграл с 46,3 % голосов против 51,6 % у демократа Марка Келли.

После поражения в Аризоне Мастерс обвинил Макконнелла в том, что тот поспособствовал его поражению, лишив финансирования в размере около 10 млн долл. Во время интервью он сказал, что если бы Senate Leadership Fund потратил больше денег на его гонку, то она закончилась бы по-другому (Associated Press, 11 ноября). Действительно, Фонд подтвердил сокращение расходов на кампанию Мастерса на 9,6 млн долл. После закрытия избирательных участков кандидат от демократов Келли потратил 96 млн долл. (81 долл. на каждый поданный голос) по сравнению с 29 млн долл. (27 долл. на каждый голос) у республиканца.

С точки зрения нашего анализа, вопрос о том, способствовало ли это поражению Мастерса или нет, второстепенен. Важно то, что его заявления свидетельствуют о политике Макконнелла, не поддерживающего кандидатов Трампа. В октябре он критиковал Макконнелла за финансовую поддержку кандидатуры республиканца Лизы Мурковски на Аляске, которая могла бы быть направлена на спонсирование кандидата в Сенат от Аризоны Мастерса (The Hill, 10 октября)

Какое отношение к этому имеет Аляска? В этом штате, где не было весомого кандидата от демократов в Сенат, шла борьба внутри Республиканской партии по поводу энергетической политики. Существует две позиции по вопросу эксплуатации ископаемых ресурсов Аляски: Мурковски, поддер-

живаемая Макконнеллом, выступает за баланс между ископаемыми и возобновляемыми ресурсами и, следовательно, за компромисс с энергетической политикой администрации Байдена; кандидат, поддерживаемый Трампом, Келли Чибакка, напротив, находится в явной оппозиции к демократической администрации в области энергетики и хочет, чтобы все ограничения на эксплуатацию ископаемых были сняты.

Мастерс утверждает: «Люди, которые контролируют кошельки, Senate Leadership Fund, [такие, как] Митч Макконнелл, решили потратить миллионы долларов на нападки против республиканца на Аляске вместо того, чтобы помочь мне победить сенатора Марка Келли. [...] Если бы они решили потратить деньги в Аризоне, эта гонка была бы закончена, и сейчас мы бы праздновали большинство в Сенате».

Кроме того, Лиза Мурковски является одним из семи сенаторов-республиканцев, которые призывали к импичменту Трампа. Аляска демонстрирует, что одним из наиболее значимых элементов этих выборов является борьба внутри Республиканской партии, в частности, по вопросу энергетического перехода.

Трамп с 2016 года сеет хаос в Республиканской партии, выражая её глубокие внутренние разногласия. Теперь он решил снова баллотироваться на пост президента в 2024 году. 16 ноября New Yorker пишет по поводу группы Мёрдока, которая поддерживала его в прошлом: «Конец Трампа? Возможно, Мёрдок его обесточил на 2024 год, но пока неясно, последует ли за ним остальная часть республиканцев». Трамп – это громоздкая обуза, от которой партия с трудом, но избавляется.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОТ СЕКТОРОВ	млн \$		
	млн \$	Д, %	Р, %
Финансы, страхование, недвижимость	1.373	51	49
Телекоммуникации, электроника	290	77	23
Здравоохранение	224	61	39
Адвокаты, лоббисты	176	72	28
Энергетика	163	32	68
Строительство	118	29	71
Агробизнес	104	28	72
Транспорт	72	32	68
Оборона	30	43	57

Д - Демократы, Р - Республиканцы

ВЫБОРЫ В ПАЛАТУ	Всего		
	Всего	Д	Р
Число кандидатов	3.142	1.316	1.695
доли (%)		42	54
Расходы (млн \$)	1.640,7	845,7	789,3
распределение (%)		52	48
Расходы на душу населения (\$)	522.183	642.629	465.664

Источник: наша обработка данных с сайта OpenSecrets.org.

Д - Демократы, Р - Республиканцы

Крупные группы ЕС в 2021 году

Европейские группы оказались зажаты в переходе от пандемии к

В 2021 году восстановление экономики после антипандемических блокировок позволило восстановить свои товарооборот и прибыль и крупным европейским группам: наша выборка демонстрирует показатели +12 и +268 % соответственно. Эти результаты в основном определяются успехами таких отраслей, как химия и фармацевтика (+11 % и +84 %); энергетика и коммунальные услуги – благодаря росту цен на энергоносители и росту потребления (+36 и +265 %); металлургия и сырьевой сектор (+27 и +64 %); транспорт – в связи с возобновлением поездок и бумом в сфере онлайн-торговли (+27 и +386 %). Восстановление производства автокомпонентов менее заметно с точки зрения товарооборота (+ 5,2 %), но прибыль сектора выросла аж на +501 % благодаря более высокой марже, которую обеспечивают продажи и послепродажное обслуживание внедорожников и электромобилей, цены на которые выше: производители наладили поставки полупроводников и электронных компонентов в эти сегменты, хотя объём поставок по-прежнему сокращается из-за разрыва глобальных цепочек.

Однако в сфере занятости “ковидный кризис” преодолён не был: снижение занятости составило 1,9 % (а по сравнению с 2019 годом – 10,3 %) и коснулось в основном промышленных секторов. Пандемическая реструктуризация стоила ведущим группам европейского империализма десятой части их рабочей силы; в условиях энергетического кризиса, усугублённого российско-украинской войной, и действий центральных банков по борьбе с инфляцией веет ветром рецессии, и существует риск новой волны банкротств и консолидаций.

Германия борется с сокращением поставок российского газа

Рост цен на энергоносители и сырьё, начавшийся с постковидным восстановлением (и перед самой войной), затронул и сами энергетические группы, которые основывали свой бизнес на дешёвом российском газе и сейчас переживают тяжёлый кризис ликвидности, усугубляемый в том числе механизмами финансовых гарантий.

Показателен пример *Uniper*, отпочковавшейся в 2016 году от *E.ON* и обладавшей 40 %-ной долей немецкого рынка по распределению газа. В первой половине 2022 года она потеряла 12 млрд евро, из которых 6,5 млрд евро из-за необходимости покупать газ на спотовом рынке, объёмы поставок которого “Газпром” сократил как в Германию (в 2021 году страна зависела от его поставок на 55 %), так и в ЕС в ответ на введённые последние санкции. В июле правительство Германии обязалось выкупить 30 % акций *Uniper* и предоставить ей гарантии и ликвидность, но ситуация ухудшилась до такой степени, что Берлин (при согласии со стороны ЕС) решил национализировать группу, купив долю в 78 % у финской *Fortum* за 480 млн евро и рекапитализировав 8 млрд евро, а также предоставив гарантии и займы. Таким образом, итоговый счёт достиг почти 29 млрд евро, а степень контроля группы со стороны правительства – 99 %.

Среди немецких групп, вовлечённых в игру с Москвой, присутствует и *Siemens Energy*, выделившаяся из *Siemens* в 2020 году. Это компания, которая поставяет “Газпрому” турбины, необходимые для эксплуатации “Северного потока”: возвращение одной из них, находящейся на ремонте в Канаде, было заблокировано из-за санкций, и Кремль отреагировал отказом от подачи газа по этому трубопроводу, объём которой после вторжения России на Украину и так упал до 20 % от предусмотренных 50 млрд кубометров. Давление со стороны союзников вынудило Берлин заблокировать запуск “Северного потока – 2”,

что также повлияло на счета *Uniper*, лишив её 2,7 млрд евро. Решение Берлина поставить под свой контроль расположенные в Германии нефтеперерабатывающие заводы “Роснефти” также следует рассматривать как признак разрыва российско-германской энергетической связи.

Французские атомные станции на ремонте

Французское правительство, которому уже и так принадлежат 84 % *EDF*, собирается взять компанию под полный контроль. Париж потратит на помощь группе 9,7 млрд евро (после 3 млрд евро, подтверждённых рекапитализации ещё весной) в рамках работ по модернизации (50 млрд евро) 32 самых старых реакторов из 56, при этом сообщалось, что в 15 возникли проблемы, связанные с коррозией. Производство электроэнергии на них упадёт на 24–29 %, или 280–300 ТВт·ч, а в 2018 году оно составляло 393 ТВт·ч (тераватт-часов). Это ещё одна причина, по которой Париж договорился об обмене поставок французского газа и электроэнергии Германии.

По оценкам *EDF*, в 2022 году остановка реакторов приведёт к отрицательной операционной прибыли в размере 29 млрд евро. Дополнительное давление на счета компании окажет также «тарифный цит» в размере 4 %, введённый правительством для того, чтобы сбалансировать свой бухгалтерский баланс: *EDF* будет вынуждена продать 20 ТВт·ч по очень низкой цене 46 евро за МВт·ч (мегаватт-час). *EDF* обратилась в Государственный совет Франции с просьбой о выделении компенсации в размере 8 млрд евро, учитывая, что в I полугодии, несмотря на рост доходов на 66 % (до 66 млрд евро), она потеряла 5,3 млрд евро. Этот шаг привёл к окончательному расколу между уходящим генеральным директором Жаном-Бернаром Леви и Эмманюэлем Макроном.

Президент подчеркнул свою приверженность интересам отрасли спасением *Aveva* в 2015 году, переносом на 2035 год сокращения производства атомной энергии до 50 % от общего объёма и объявлением 50-миллиардной программы строительства шести новых водо-водяных реакторов к 2050 году. Этот тип реактора создал много проблем для *EDF* из-за задержек и четырёхкратного увеличения затрат на строительство реактора АЭС “Фламанвилль” (до 12,7 млрд евро), в то время как электростанция в Финляндии была введена в эксплуатацию с десятилетней задержкой и утроением затрат по сравнению с запланированными. Как и всем другим европейским энергетическим группам, *EDF* также придётся столкнуться с планом Брюсселя, предусматривающим изъятие 117 млрд евро из сверхприбыли тех компаний, которые производят энергию не из газа. Эти деньги правительства смогут использовать для снижения затрат своих предприятий и домохозяйств на покупку энергии.

TotalEnergies также выиграла от роста цен на энергоносители, завершив I полугодие с товарооборотом в 143 млрд евро (+57 %) и прибылью в 10,6 млрд евро (+92 %). Теперь группа принимает стратегию постепенного ухода из России, где она имеет 8,7-миллиардный капитал и добывает 16,6 % нефти и 30 % газа: компания продала российской “Зарубежнефти” 20 % Харьгинского месторождения и второстепенные активы, а также приостановила инвестиции в “Арктик СПГ – 2”, предусмотрев в бюджете потерю 4 млрд евро, связанных с 10 %-ной долей в этом проекте, но при этом сохранила 29 % в проекте “Ямал СПГ” по производству сжиженного газа совместно с “Новатэком”. Чтобы диверсифицировать свои поставки, *Total* – наряду с *Shell*, *ExxonMobil*, *ConocoPhillips* и *Eni* – подписала соглашение с *QatarEnergy* об увеличении экспортных мощностей *North Field East* с 77 до 110 млн тонн сжиженного газа к 2026 году, что позволит Катару превзой-

ти Австралию в качестве второго производителя СПГ в мире после США.

Renault покидает Россию

Renault ушла из России, продав 68 % акций “АвтоВАЗа” государственному НАМИ и правительству Москвы за один рубль с возможностью вернуть их через шесть лет. Для многих это выглядит как «гибкая продажа», к которой прибегли многие другие западные компании, не желающие уходить из России, несмотря на войну и санкции. По данным Йельского университета, с начала конфликта 321 транснациональная корпорация из 1.200 проанализированных действительно покинула страну, 451 закрылась, но оставила за собой право на возвращение, 155 приостановили инвестиции, 142 сократили производство и 213 продолжают работу.

Генеральный директор *Renault* Лука Де Мео считает, что продажа позволила избежать уничтожения ресурсов, учитывая производственные трудности, возникшие в стране из-за санкций. Россия была для группы вторым по объёму рынком: в 2021 году *Renault* продала здесь около 500 тыс. автомобилей, что составляет 20 % от общего объёма её продаж, но при этом получила всего 10 % товарооборота и 5 % прибыли. Обесценивание российских активов – одна из причин, по которой *Renault* закрыла I полугодие с 30-процентным падением общего объёма продаж и убытками в 1,7 млрд евро. Де Мео подтвердил необходимость технологического нейтралитета перед лицом плана ЕС “Fit for 55”, который в случае его утверждения и реализации приведёт к тому, что к 2035 году продажи традиционных и гибридных автомобилей в Европе прекратятся, уступив место продажам электрических авто. По мнению Де Мео, этот срок должен быть продлён до 2040 года, чтобы не слишком отдавать предпочтение китайцам и не загубить европейские достижения.

По примеру *Ford* группа готовит разделение на две компании – электрическую (под кодовым названием *Ampere*), которая может быть выведена на листинг в 2023 году, и тепловую (*Cheval*). *Le Monde* сообщает об интересе к традиционному сектору со стороны саудовской *Agacso* и китайской *Geely*. Последняя уже контролирует *Volvo*, *Polestar* и 34 % *Renault Korea*, а её владелица Ли Шуфу является крупнейшим акционером *Mercedes* с 10 % акций.

Европейское автомобилестроение перед лицом вызова электрификации

По данным ACEA (*Association des Constructeurs Européens d'Automobiles*), в I полугодии в условиях падения продаж автомобилей на 14 % регистрация электромобилей выросла на 30 % (до 629 тыс. единиц, 12,5 % от совокупного объёма рынка), гибридов – на 1,5 % (до 1,173 млн, 23,3 %) и plug-in – на 12,5 % (до 461 тыс., 9,1 %). С другой стороны, продажи автомобилей с бензиновым двигателем упали на 23 % (до 1,88 млн, 37,5 % рынка), а автомобилей с дизельным двигателем – на 32,5 % (до 782 тыс., 15,5 %). Таким образом, электрифицированные автомобили (электрические, гибридные и plug-in) в среднем занимают 44,9 % рынка, но эта доля выше в Италии (46,6 %) и ниже в Германии (43,8 %), Франции (43,3 %) и Испании (38,3 %).

Приход Оливера Блюма на место Дисса у руля *Volkswagen* некоторые интерпретируют как замедление движения немецкой группы к производству исключительно электрических автомобилей. Блюм долгое время работал в *Porsche*, которой он по-прежнему будет руководить: с 19 сентября 25 % акций компании будут торговаться на бирже, и *Porsche* должна принести VW 9 млрд евро. В интервью *Le Figaro* Блюм называет себя «решительным сторонником» электромобилей, но считает, что перед лицом 1,3 млрд традиционных автомобилей, большая часть которых всё ещё будет в

обращении в ближайшие 30–50 лет, нужно инвестировать, как это и делает *Porsche*, в менее загрязняющие окружающую среду синтетические виды топлива.

Понятно, что это помогало бы гарантировать выживание цепочки поставок, связанной с двигателями внутреннего сгорания. Более того, еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон напомнил, что программа “Fit for 55” не запрещает производство автомобилей с двигателями внутреннего сгорания даже после 2035 года для рынков за пределами ЕС, даже если многие другие крупные территории, начиная с Китая и США, начали электрический переход, сопровождающийся инвестициями и государственным стимулированием.

Stellantis в китайско-американских тисках

Stellantis после того, как восстановилась в 2021 году, получила прибыль в 14 млрд евро, I полугодие этого года также закрыла с прибылью в 8 млрд евро (+ 34 %) при товарообороте 88 млрд евро, который вырос на 17 %, несмотря на падение продаж. Этот скачок связан с ростом продаж электромобилей (до 136 тыс. единиц, +50 %) и внедорожников. Такая же динамика наблюдается у VW и других крупных производителей.

Все они столкнулись с нехваткой полупроводников и компонентов, таких как электрические кабели, поставки которых были заблокированы войной на Украине. Эта страна вошла в европейскую цепочку поставок автомобилей с 38 заводами в различных секторах, а также является поставщиком 50 % неона и 40 % криптона, используемых для производства полупроводников. Кроме того, Россия и Украина перед войной поставляли 33 % стали. Всё это вызвало проблемы для производства в Европе.

Генеральный директор *Stellantis* Карлос Таварес отмечает, что падение европейского рынка на 20 % (с 18 до 15 млн автомобилей) означает потерю 600 тыс. рабочих мест: это касается производственных площадок в Испании, Германии, Франции и Италии. Группа намерена сократить до 49 тыс. сотрудников перед лицом электрической реорганизации, которая потребует времени и обернётся сокращением производства: Итальянская федерация работников металлообработки и машиностроения (FIM) оценивает это сокращение в 13,7 % в I полугодии (до 351.890 единиц против 407 тыс. в 2021 году), а к концу года производство упадёт до 200 тыс. автомобилей.

В марте Таварес представил план “Dare Forward 2030”, который предусматривает достижение нулевых выбросов к 2038 году и переход к продаже в ЕС только электромобилей в 2030 году. Таким образом, он предвосхищает цели Брюсселя, которые всегда были критически важными и которые подтолкнули группу к выходу из ACEA, где она не чувствовала себя защищённой в этом смысле. Аналогичная цель на рынке США – половину продаваемых здесь автомобилей должны составлять электромобили.

Всё это благодаря инвестициям в 30 млрд евро, из которых 7 млрд евро будут направлены на строительство пяти аккумуляторных заводов (двух в США и трёх в ЕС). Один из них планируется возвести в 2026 году в итальянской коммуне Термоли совместно с ACC (совместное предприятие *Total* и *Mercedes*, новое название *Daimler* после концентрации *Daimler Truck* на модели FCA-CNH) и с государственным взносом в размере 370 млн евро при общей стоимости 2,3 млрд евро. *Stellantis* стремится увеличить производственные мощности до 400 ГВт·ч (гигаватт-час), чтобы оснастить 75 моделей и достичь 5 млн продаж электромобилей к 2030 году, когда товарооборот, как ожидается, удвоится до 300 млрд евро, из которых 10 % будут приходиться на Китай. Но в июле *Stellantis* рас-

войне на Украине

торгла союз с китайской GAC по производству джипов из-за сложности увеличения доли в совместном предприятии до 75 % и достигла соглашения со своим акционером Dongfeng, который сможет продать Stellantis принадлежащие ему 3,16 %.

Выхода Stellantis из альянса с GAC хотят сами китайцы, но он также лежит в основе требования США, которые только в этом случае дадут зелёный свет слиянию FCA-PSA, что отражает трения между Китаем и США, которые группа с сильным атлантическим уклоном не может игнорировать. Эта линия также подтверждается решением немецкой дочерней компании Opel приостановить планы расширения в Китае.

После противодействия со стороны GAC Таварес обвинил Пекин в протекционизме, подчеркнув, что санкции против Ирана и России демонстрируют, что для компании есть риск оказаться в центре перекрёстного огня, когда её вынудят выбирать между «двумя блоками»: отсюда и выбор не иметь заводов в Китае, чтобы не пришлось от них отказываться в случае санкций.

Faurecia после выделения из Stellantis в марте 2021 года, которое привело к резкому сокращению занятости в этой автомобильной группе на 26 %, приобрела немецкую Hella за 5,4 млрд евро, создав Forgia – седьмую глобальную группу по производству автокомпонентов со 150 тыс. сотрудников: уже первую половину 2022 года она закрыла с товарооборотом 11,6 млрд евро и заказами на 15 млрд евро, из которых 27 % приходится на Китай. Forgia входит в число 35 компаний, которые в качестве участников сектора водородной энергетики получают государственную помощь в размере 5,4 млрд евро от пятнадцати стран ЕС. Группа в этом секторе работает совместно с Michelin – в рамках компании Symbio.

Банки уходят из России

По данным European Banking Authority, в марте европейские банки имели в России активов на 76 млрд евро. Наиболее вовлечёнными в этот рынок являлись Société Générale, Unicredit, Intesa Sanpaolo, Credit Agricole, ING, BNP Paribas и Deutsche Bank. По мнению Allianz, с исключением крупнейших российских банков из системы SWIFT западным банкам будет всё труднее работать в стране.

Также по этой причине SocGen, обладавшая 18,6 млрд евро, вышла из «Росбанка» и продала 98 % его акций «Интерросу» Владимиру Потанина (владельца «Норильского никеля» и одного из самых близких к Путину олигархов). Этот шаг повлёк за собой убытки в размере 3,2 млрд евро (в дополнение к тем 4 млрд евро, которые группа потратила в течение нескольких лет на приобретение контроля над банком). По словам председателя SocGen Лоренцо Бини Смаги (бывшего члена правления ЕЦБ), соотношение издержек и выгод от пребывания в России резко изменилось с началом войны, потому что в ближайшие несколько лет у Москвы не будет больших экономических перспектив: таким образом считалось, что это навсегда устраняет неопределённость, связанную с размещением активов в России.

Между тем главный исполнительный директор Фредерик Удеа должен покинуть SocGen в начале этого месяца: по информации Financial Times, текучку кадров ускорило его сопротивление уходу из России, но менеджер станет новым руководителем французского фармацевтического гиганта Sanofi. С одной стороны, европейские банки выиграли от повышения ключевой ставки, осуществлённого ЕЦБ, но в то же время они столкнулись с рисками рецессии и появления массы безнадежных кредитов, настолько, что надзорный орган ЕЦБ просит их обновить свои планы капиталовложения, исходя из более неблагоприятных сценариев на ближайшие месяцы.

Сентябрь 2022 г.

100 КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГРУПП В ЦИФРАХ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ (в миллионах евро)	Государство	ОБОРОТ		ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ (1)		АКТИВЫ		СОБ. КАПИТАЛ		КОЛ-ВО ЗАНЯТЫХ		
		2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	
		Текстильная промышленность – мода										
LVMH	Франция	64.215	+43,8	12.698	+156,3	125.311	+15,3	47.119	+25,9	175.647	+16,7	
Аэрокосмическая и оборонная промышленность												
AIRBUS	Голландия	52.149	+4,5	4.174	+457,1	107.047	-2,8	9.466	+46,9	126.495	-3,7	
BAE SYSTEMS	Великобритания	22.709	+1,3	2.224	+39,4	32.292	-1,4	8.849	+60,2	82.000	+2,5	
LEONARDO	Италия	14.135	+5,4	587	+141,6	28.379	+4,8	6.428	+22,0	49.615	+0,5	
Производство продуктов питания, напитков												
NESTLÉ	Швейцария	80.555	+3,3	15.906	+39,0	134.684	+12,2	51.437	+16,3	276.000	+1,1	
UNILEVER	Голландия – Бел.	52.444	+3,4	6.621	+9,0	75.095	+11,0	17.107	+12,1	148.000	-1,3	
ANHEUSER-BUSCH INBEV	Бельгия	45.915	+15,8	5.170	+177,7	192.148	-3,9	60.630	+0,9	169.339	+3,4	
DANONE	Франция	24.281	+2,8	1.992	-1,9	45.420	+6,2	17.273	+6,6	98.105	-3,7	
Автомобили и комплектующие												
VOLKSWAGEN	Германия	250.200	+12,3	15.428	+74,8	528.409	+6,3	144.449	+13,7	667.647	+0,3	
STELLANTIS (a)	Голландия	149.419	+1,4	14.208	+594,4	171.766	-0,9	55.907	+18,9	292.434	-26,1	
MERCEDES BENZ (b)	Германия	133.893	-13,2	23.396	+483,6	259.831	-9,1	71.951	+18,6	250.768	-14,5	
BMW	Германия	111.239	+12,4	12.463	+223,1	229.527	+5,9	74.366	+22,1	118.909	-1,5	
BOSCH	Германия	78.748	+10,1	2.499	+233,6	97.723	+7,0	41.937	+9,7	399.703	+1,2	
RENAULT	Франция	46.213	+6,3	967	+112,0	113.740	-1,7	27.320	+10,3	156.466	-8,0	
DAIMLER TRUCK (b)	Германия	39.764	+10,4	2.383	+191,1	54.800	+9,6	15.920	+93,6	103.541	+5,4	
ZF	Германия	38.313	+17,5	783	+205,7	38.359	+4,4	6.627	+61,5	156.705	+0,8	
VOLVO	Швеция	36.684	+10,0	3.276	+65,6	50.326	+1,0	13.760	-2,9	83.958	-6,3	
Химия – фармацевтика												
BASF	Германия	78.598	+32,9	5.982	+656,5	87.383	+8,8	40.792	+20,9	109.815	-5,3	
ROCHE	Швейцария	58.090	+7,7	13.815	-0,9	89.359	+7,2	23.704	-32,6	100.920	-0,5	
BAYER	Германия	44.081	+6,5	1.022	+109,7	120.241	+2,7	33.020	+8,2	99.572	-1,9	
NOVARTIS	Швейцария	43.651	+6,1	20.308	+197,6	116.365	-0,2	59.734	+19,5	104.323	-1,4	
GLAXOSMITHKLINE	Великобритания	39.686	=	5.928	-20,2	94.137	-1,7	19.916	+3,2	91.961	-4,1	
SANOFI	Франция	37.761	+4,8	6.279	-49,2	120.242	+5,0	68.681	+9,0	95.442	-4,0	
Строительство – инжиниринг												
VINCI	Франция	49.396	+14,3	2.195	+116,3	100.022	+9,7	22.881	+9,7	219.299	+0,7	
BOUYGUES	Франция	37.589	+8,3	1.305	+69,5	44.642	+9,9	11.144	+7,8	124.651	-3,4	
ACS	Испания	27.837	-20,3	3.226	+247,6	35.664	-4,5	6.505	+55,0	120.827	-33,5	
HOCHTIEF	Германия	21.378	-6,9	289	-50,3	16.235	-4,4	801	+19,6	32.866	-31,0	
Розничная торговля												
SCHWARZ-LIDL (c)	Германия	133.600	+6,6	nd	nd	nd	nd	nd	nd	550.000	+20,1	
ALDI (c)	Германия	102.475	+5,6	nd	nd	nd	nd	nd	nd	235.000	-6,4	
AHOLD DELHAIZE	Голландия	75.601	+1,2	2.246	+60,8	45.712	+12,3	13.721	+10,4	413.000	-0,2	
CARREFOUR	Франция	72.958	+3,2	1.301	+56,6	47.668	+0,2	10.251	+4,7	319.021	+2,5	
TESCO	Великобритания	71.966	+6,0	1.740	-75,9	59.068	+7,8	18.743	+26,9	354.744	-3,4	
REWE	Германия	69.356	+1,7	756	+82,2	35.190	+5,2	8.409	+13,7	380.000	-1,0	
IKEA	Швеция	41.900	+5,8	1.433	-17,2	21.407	+1,4	10.115	+6,0	225.000	+3,7	
AUCHAN	Франция	31.088	-3,2	358	-60,5	21.190	-8,3	6.248	-4,1	164.180	-9,1	
Электромеханика – электроника – информационные технологии												
SIEMENS	Германия	62.265	+9,0	6.697	+59,5	139.608	+12,7	44.373	+21,9	295.000	+0,3	
SCHNEIDER ELECTRIC	Франция	28.905	+14,9	3.273	+46,2	54.547	+10,2	24.440	+18,5	166.025	+6,8	
SAP	Германия	27.842	+1,8	5.376	+1,8	71.169	+21,7	38.853	+30,7	104.364	+2,8	
ABB	Швейцария	24.474	+10,8	3.932	-10,7	35.547	-2,0	13.755	-0,7	104.400	-1,1	
ERICSSON	Швеция	22.896	=	2.265	+30,4	29.815	+12,6	10.612	+25,5	100.757	+2,2	
Энергетика – коммунальные услуги												
ROYAL DUTCH/SHELL	Голландия – Бел.	221.108	+42,7	17.443	+195,8	357.036	+6,6	151.833	+10,7	82.000	-4,7	
TOTALENERGIES	Франция	156.112	+54,2	13.838	+323,1	259.101	+10,3	98.654	+7,7	101.309	-4,0	
BP	Великобритания	133.372	-12,5	7.176	+140,9	253.639	+7,3	66.628	+5,9	64.000	-6,0	
FORTUM	Финляндия	112.400	+129,3	-114	-106,1	149.661	+158,9	12.131	-6,3	19.796	-1,0	
ENEL	Италия	88.006	+35,4	3.857	+6,5	206.940	+26,6	29.653	+4,7	65.976	-1,6	
ÉLECTRICITÉ DE FRANCE	Франция	84.461	+22,4	4.828	+685,0	360.966	+18,0	50.211	+10,0	163.423	+1,4	
E.ON	Германия	77.358	+26,9	5.305	+317,7	119.759	+25,6	12.053	+144,7	71.630	-8,8	
EQUINOR	Норвегия	76.878	+98,4	7.251	+256,0	129.896	+20,6	34.443	+15,2	21.400	-1,4	
ENI	Италия	76.575	+74,1	5.840	+167,7	137.765	+25,6	44.437	+18,8	32.689	+3,8	
ENGIE	Франция	57.866	+3,8	3.758	+520,8	225.333	+47,1	36.994	+27,8	174.027	-1,0	
REPSOL	Испания	49.480	+50,1	2.528	+176,1	56.254	+14,1	22.320	+5,4	23.931	-1,0	
IBERDROLA	Испания	39.114	+18,0	4.387	+10,5	141.752	+15,7	40.479	+14,3	38.702	+8,6	
VEOLIA	Франция	28.508	+9,6	555	+165,6	53.077	+17,0	11.518	+59,6	176.488	-1,3	
NATURGY	Испания	22.140	+44,3	1.556	+5119,4	38.249	-3,3	5.889	-26,6	8.872	-7,4	
CENTRICA	Великобритания	17.152	+20,4	1.365	+1103,7	32.234	+58,2	2.814	+147,1	19.704	-23,5	
Металлургия – сырьевой сектор												
ARCELOR MITTAL	Голландия	64.743	+43,7	13.161	+2791,4	79.915	+10,3	43.357	+28,3	158.000	-6,0	
SAINT-GOBAIN	Франция	44.160	+15,8	2.614	+434,6	51.584	+6,1	20.715	+15,8	166.880	-0,9	
THYSSENKRUPP	Германия	34.015	+17,7	-25	-100,3	36.811	+0,9	10.400	+6,0	102.243	-31,8	
Телекоммуникации												
DEUTSCHE TELEKOM	Германия	108.794	+7,7	6.103	-9,5	281.627	+6,3	42.679	+18,8	220.840	-1,2	
VODAFONE	Великобритания	53.598	+4,0	3.086	+389,8	181.978	-0,7	64.642	-2,0	96.941	+0,5	
ORANGE	Франция	42.522	+0,6	778	-84,6	108.071	+0,3	32.341	-6,0	139.698	-1,7	
TELEFONICA	Испания	39.277	-8,8	10.717	+447,6	109.213	+4,0	22.207	+97,7	107.776	-4,8	
BRITISH TELECOM	Великобритания	24.518	-2,3	1.498	-13,5	58.835	-2,2	18.080	+31,0	99.000	-3,1	
TIM	Италия	15.588	-2,7	-8.400	-214,3	69.187	-5,5	17.414	-33,6	47.942	-2,4	
Транспорт												
DEUTSCHE POST DHL	Германия	81.747	+22,4	5.423	+70,7	63.592	+15,0	19.037	+38,2	574.047	+4,9	
MOLLER-MAERSK	Дания	52.242	+55,5	15.247	+521,8	63.810	+28,8	39.297	+49,1	85.375	+2,1	
CMA CGM	Франция	47.331	+78,0	15.130	+907,3	45.898	+58,0	21.018	+254,6	150.000	+28,0	
DEUTSCHE BAHN	Германия	47.075	+18,0	-911	+84,0	71.843	+9,8	8.485	+65,2	335.387	+0,7	
SNCF	Франция	34.752	+15,9	767	+122,2	124.723	-2,5	14.645	+15,4	270.296	-0,4	
LA POSTE	Франция	34.609	+11,0	2.597	-2,4	796.365	+5,0	20.932	+14,7	244.980	-1,6	
POSTE ITALIANA	Италия	31.710	+5,6	1.580	+31,0	284.728	+4,5	12.102	+5,2	117.389	-3,4	
LUFTHANSA	Германия	16.811	+23,7	-2.193	+67,6	42.538	+7,7	4.450	+230,4	107.643	-14,0	
AIR FRANCE-KLM	Франция	14.315	+29,1	-3.294	+53,5	30.683	+1,6	-3.824	+29,5	74.721	-9,1	
СТРАХОВАНИЕ (в миллионах евро)												
		Государство	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020	2021	Разн. в % к 2020
AXA	Франция	96.825	+3,1	7.507	+125,4	775.491	-3,6	71.135	-0,7	149.000	-2,6	
ALLIANZ	Германия	86.063	+3,7	7.105	-0,4	1.139.429	+7,5	79.952	-1,1	152.840	+2,8	
GENERALI	Италия	75.825	+7,2	3.195	+57,2	586.225	+7,6	29.308	-2,4	74.621	+2,7	
MUNICH RE	Германия	59.567	+8,5									

Трансформации и неизвестные факторы ТТП

Одним из самых судьбоносных решений президента США Дональда Трампа остаётся решение о выходе страны из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) в 2017 году. Заявленной целью проекта, инициированного Джорджем Бушем – младшим и доведённого до конца Бараком Обамой, было сохранение руководящей роли США на азиатских рынках – в новом бьющемся сердце мировой экономики. Стратегический интерес здесь играл даже большую роль, чем коммерческий расчёт. Так, глава Пентагона при Обаме Эштон Картер утверждал, что ТТП значит столько же, сколько значил бы ещё один американский авианосец в Тихом океане.

Малайзийский абордаж

У руля транстихоокеанского проекта, брошенного Трампом, встал премьер-министр Японии Синдзо Абэ, первоначально даже и не желая этого, и в 2018 году довёл его до подписания соглашения с участием десяти партнёров: Канады, Мексики, Чили, Перу, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Вьетнама, Малайзии и Брунея. За исключением приписки “Всеобъемлющее и прогрессивное”, появившейся в официальном названии Всеобъемлющего и прогрессивного транстихоокеанского партнёрства (ВПТТП), соглашение по сути повторяет предшествующий проект в части стандартов торговли и снижения тарифов.

Конечно, без США экономический вес Транстихоокеанского региона в целом снижается более чем в два раза. Однако, прежде всего, искажается его политическая суть как американского ответа на восхождение Китая и азиатскую торговую инициативу Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП). Символический авианосец США низведён до уровня японского вертолётносца, учитывая, что Токио всегда продолжал требовать возвращения Белого дома. В период президентства Джо Байдена возвращение до сих пор исключалось, взамен был инициирован альтернативный вариант – Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИПЕФ). Между тем, соглашение ТТП вступило в силу для участвующих в нём стран, поскольку текст был ратифицирован достаточным количеством государств.

Последние два значительно опоздавших государства Малайзия и Чили вот-вот вступят на борт, оставив позади только крошечный Бруней. Исполнительная власть Малайзии официально ратифицировала соглашение 30 сентября и будет следовать ему с конца ноября. Примечательно, что среди аргументов в пользу ТТП малайзийское правительство и бизнес-ассоциации упоминают и перспективу его расширения: уже идущий процесс присоединения Великобритании, громкая кандидатура Китая, за которым следуют Тайвань, Эквадор и Коста-Рика, а также многие другие признаки, свидетельствуют об интересе к соглашению, который присутствует не в одной только Азии.

Чилийская нерешительность

Сенат Чили одобрил транстихоокеанское соглашение 12 октября, но го-

лосование разделило правящую коалицию. Президент Габриэль Борич проводил кампанию против ТТП, когда находился в оппозиции, используя классический аргумент о том, что система разрешения юридических споров между иностранными инвесторами и государством (ISDS) угрожает национальному суверенитету. Заявлялось, что таким юридическим путём могущественные иностранные транснациональные корпорации смогут навязывать изменения в национальном законодательстве. Широкий фронт сторонников ТТП выдвигал контраргумент, что чилийское государство имеет возможность свободно проводить свою промышленную политику несмотря на то, что на протяжении десятилетий оно интегрировало механизм ISDS в двусторонние соглашения, подписанные с десятками стран, включая участников самого ТТП.

На момент написания статьи правительство заверяет, что будет уважать волю парламента, но временно приостанавливает ратификацию ТТП, обуславливая её параллельными переговорами со странами-партнёрами, направленными именно на рассмотрение главы, касающейся ISDS. Это двусмысленный компромисс: Борич, похоже, хочет добиться символического результата, чтобы предложить его более протекционистскому крылу своей коалиции, но в то же время уступает сильному внутреннему давлению, чтобы зацепиться за уходящий транстихоокеанский поезд. Основные чилийские бизнес-ассоциации публично высказались в поддержку ТТП, подчёркивая его преимущества для экспорта и привлечения международных инвестиций. В политическом плане стратегическая важность Транстихоокеанского соглашения была подтверждена в обращении, подписанном семью бывшими министрами иностранных дел Чили.

Расширение ТТП

Как и в малайзийских дебатах, заявка Китая на участие в ТТП также обсуждается и в Чили, однако в двойственном смысле. Многие считают, что возможное вступление Китая преумножит экономические преимущества транстихоокеанского соглашения. Но в то же время некоторые полагают, что чилийское правительство рискует нанести дипломатический удар Вашингтону, конкретизируя рамки своего присоединения к ТТП в то время, когда Белый дом предпочитает не вмешиваться, а в дверь стучится Пекин. С другой стороны, возможное вступление Китая представляется долгосрочной перспективой. В самих китайских газетах можно найти гипотезы, предполагающие для него десятилетний срок, выдвигаемые по аналогии с процессом вступления в ВТО. С другой стороны, министр по экономическому восстановлению Японии Дайсиро Ямагива заявляет о возможности вступления Великобритании: базовое соглашение «возможно в течение этого года».

Включение Лондона с его имперским и колониальным прошлым в регионе и нестабильным настоящим на Старом континенте будет представлять собой очередной кульбит ТТП,

ещё более сложный для оценки. Вступление крупной экономической и военной державы Атлантики приведёт к пересмотру всех внутренних балансов, международных связей и самой природы транстихоокеанской коалиции, начиная с её названия. Может ли членство Великобритании в ТТП стать предпосылкой и стимулом для возвращения Соединённых Штатов? Укрепит ли это возможность наложения вето на будущее присоединение Китая? Повысит ли это заинтересованность ЕС? Будет парадоксальным, если торговое сближение между Лондоном и Брюсселем после брексита произойдёт через Тихий океан, а не через Ла-Манш.

Китайская перспектива

Поразительно, что в малайзийских и чилийских дебатах вступление Китая фигурирует как конкретная возможность. С точки зрения соотношения сил, вступление Китая в ТТП будет скорее полным разворотом, чем очередной трансформацией. Транстихоокеанская инициатива продвигалась Вашингтоном как экономическое оружие, явно направленное на сдерживание и обуславливание восхождения Китая. По замыслу Обамы, торговое соглашение могло бы быть открыто для будущего присоединения Китая, но только после того, как США “продиктуют правила” этого рынка. Учитывая эти предпосылки, кажется немыслимым, что Пекин будет принят в ТТП, по крайней мере в случае возвращения Вашингтона. В этом контексте, давая интервью газете *Nikkei*, министр торговли Австралии Дон Фаррелл высказался так: «Я не верю, что существует какая-либо перспектива присоединения Китая», поскольку он не придерживается правил справедливой торговли, о чём свидетельствует продолжающаяся с 2020 года тарифная война против Австралии. По словам Фаррелла, Токио разделяет скептицизм Канберры.

Конечно, уже пять лет Япония несёт на себе роль хранителя ТТП, держа дверь широко открытой для американского возвращения, пока, впрочем, безуспешно. Слабый сигнал успеха поступил из Вашингтона от Ричарда Нила, ветерана Демократической партии в Палате представителей, где он возглавляет важный Комитет по путям и средствам сообщения. В интервью *Bloomberg* в Женеве Нил возрождает двойную перспективу ТТП и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) – рухнувших столпов торговой политики Обамы. Однако необходимым условием является получение демократами большинства в Конгрессе на промежуточных выборах в ноябре.

Двадцать лет retrenchment

Приняв решение о присоединении к ТТП, Байден удовлетворит требования крупных промышленных и финансовых групп США, чьи ассоциации всегда выступали в поддержку транстихоокеанского проекта. Однако до промежуточных выборов более вероятно, что Белый дом в электоральных целях предпримет ещё несколько протекционистских выпадов, таких как новые жёсткие антикитайские меры

в секторе полупроводников. В любом случае, США вернулись бы уже в другое ТТП: полностью воскресить его первоначальный дух уже невозможно.

Независимо от участия в транстихоокеанском соглашении, по мнению гарвардского историка Крейга ВанГрастека, в торговой политике Белого дома за последние два десятилетия и более можно проследить фундаментальную преемственность. В эссе для *European University Institute* в феврале 2021 года ВанГрастек призвал учитывать долгосрочные экономические и политические факторы, определяющие действия американцев и в первую очередь стремительное восхождение Китая. В таком свете «четырёхлетний эксперимент с трампизмом можно рассматривать как отклонение от установленной тенденции лишь с точки зрения степени, но не направления». Тенденцию же составляет *retrenchment*, или относительное отступление. Анализ ВанГрастека, который прямо ссылается на закон неравномерного развития ленинистской школы, близок к нашей интерпретации, в соответствии с которой, преобладающей характеристикой по меньшей мере четырёх администраций (Буша – младшего, Обамы, Трампа и Байдена) является управление *относительным атлантическим упадком*.

Формы борьбы

Амбиции Японии, вступление Великобритании, возвращение Америки, перспектива вступления Китая, гипотеза о присоединении Европы: ТТП – это живой процесс с многочисленными и непредсказуемыми результатами. Что мы знаем наверняка, так это то, что ни одно возможное соглашение никогда не будет окончательным, как учит нас марксистская наука ленинского “Империализма” в своей оценке “межимпериалистических” и “ультраимпериалистических” союзов. «[...] в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав – являются неизбежно лишь “передышками” между войнами»¹.

Эта фундаментальная истина также может быть применена к сфере мировой торговли, в частности, к конкурирующим региональным соглашениям, таким как ТТП и ВРЭП, как и к многосторонним организациям, таким как ВТО. «Мирные союзы подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»².

При капитализме неравномерное развитие неизменно заставляет державы со всей жестокостью испытывать меняющийся баланс сил. Соглашения всегда являются лишь частичными и временными, они следуют за одними столкновениями и готовят другие.

Октябрь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 417.
2 – Там же. С. 417–418.

Борьба с коронавирусом

Трудный путь международного сотрудничества

30 января 1892 года в Венеции европейские монархии и президент Французской Республики подписали первую Международную конвенцию о здравоохранении. Амбиции соглашения были минимальными. Оно касалось лишь угрозы холеры и было ограничен вопросом санитарного надзора за преимущественно британскими перевозками в европейские порты через Суэцкий канал. Тем не менее, Конвенция стала «поворотным пунктом в истории международного сотрудничества в области общественного здравоохранения» (Говард-Джонс Норман. «Международные санитарные конференции, 1851–1938 гг. Научные и санитарные аспекты». ВОЗ. Женева, 1976.).

Трудное начало

По мнению Стефании Негри, Конвенция знаменует собой «рождение международного медицинского права». Во второй половине XIX века «были сформированы правовые инструменты ранней фазы неинституционализированного многостороннего сотрудничества, всё ещё в основном ориентированные на решение проблем общественного здравоохранения с целью предотвращения и устранения нежелательных «побочных эффектов», наносящих ущерб экономическим интересам государств» («Salute pubblica, sicurezza e diritti umani nel diritto internazionale», 2018). На протяжении этой первой фазы доминирует принцип невмешательства во внутренние дела государств, чей суверенитет не подвергается сомнению. В пределах государственных границ меры, которые должны быть приняты для защиты здоровья населения, остаются полной прерогативой правительств и их органов здравоохранения, неизбежно ведя к разным результатам.

Прошло более века, на протяжении этого времени концепция глобального управления здравоохранением постепенно утверждалась. Всемирная организация здравоохранения является её преданным сторонником, но в действительности у данного института нет полномочий для существенного вмешательства в суверенитет государств в области здравоохранения. Как стало очевидно в ходе продолжающейся пандемии SARS-CoV-2, даже само по себе сотрудничество сталкивается с серьёзными препятствиями, связанными с соперничеством между государствами.

Первая Международная конвенция по здравоохранению являлась итогом 41-летнего процесса, семи конференций, первая из которых прошла в Париже в 1851 году. Жак Рюффье (биолог) и Жан-Шарль Сурниа (историк медицины) отмечают, что конференции «демонстрировали медленный прогресс научных идей, поскольку государства-участники долгое время отказывались обсуждать такие понятия, как заразность, эпидемия, передача» («Le epidemie nella storia», 1985). На самом деле, даже когда наука отвоёвывала себе место в дискуссиях, новые открытия в биологии и медицине с трудом пробивались сквозь скептицизм прославленных представителей наиболее известных академических институтов. Учёные, пишет Фридрих Энгельс, также являются, вопреки своей сущности, носителями идеоло-

гий и упорно держатся за свои устаревшие идеи.

Спор о Суэцком канале

Седьмая Международная санитарная конференция открылась в Венеции 5 января 1892 года. Из протокола, приводимого Говард-Джонсом – бывшим директором редакционной службы и службы документации ВОЗ, – видно, что спустя восемь лет после открытия Робертом Кохом этиологии холеры и почти через сорок лет после исследований Филиппо Пачини и Джона Сноу роль вибрионов всё ещё отрицалась многими известными учёными. Но настоящие противоречия крылись в другом. Комментируя начало конференции, английский медицинский журнал *The Lancet* сетовал на то, что «с Суэцким каналом связаны столь различные интересы, что едва ли можно ожидать научного обоснования выводов, к которым может прийти конференция» (Говард-Джонс Н., *op. cit.*).

Конференция была созвана по настоянию Австро-Венгрии. Чтобы преодолеть нежелание Великобритании участвовать в ней, австрийский посол за год до этого заверил британского премьер-министра, что его правительство «будет стремиться исключить из дискуссий конференции всё, что могло бы показаться неприемлемым для Англии».

Центральным узлом противоречий по-прежнему оставался Суэцкий канал, т.е. движение товаров из Индии на Запад. Австро-Венгрия и Великобритания представили другим странам-участницам конференции проект протокола, согласно которому британские суда, заражённые или незаражённые, могли бы свободно проходить через канал в тот или иной британский порт. Он предусматривал лишь размещение двух санитарных инспекторов на предположительно инфицированных судах, чтобы убедиться в отсутствии их контактов с материком.

The Lancet опасался «французской англофобии», и, как отмечает Говард-Джонс, не без оснований: Франция выступила против австро-английского протокола, требуя принятия гораздо более строгих мер по защите средиземноморских портов. Суда с подтверждёнными случаями холеры должны были бы останавливаться перед входом в Суэцкий канал, высаживать пассажиров, госпитализировать больных, помещать здоровых на пятидневный карантин, подвергая судно и груз дезинфекции. По мнению британских делегатов, эти операции могли быть полностью проведены в портах прибытия, благодаря их «прекрасной организации санитарных служб», являющейся результатом значительных инвестиций, которые не были сделаны другими странами.

Большинство участников конференции считали, что карантин является единственной эффективной мерой и что австро-британский протокол оставит Египет и Средиземноморье без защиты. Британский план не давал гарантий от возможного обмана со стороны капитанов судов и возможности того, что заражённое судно причалит в средиземноморском порту, спасаясь от шторма. Такая новость вызвала бы панику в Европе. Французский план, с другой стороны, столкнулся с препятствием в виде заявленной Египтом неспособности принять большое количество пассажиров, находящихся на карантине.

Договорённости удалось достичь в ходе отдельных переговоров между бри-

танской и французской делегациями. Корабли должны были быть разделены на три класса: незаражённые, с подозрением на заражение и заражённые. Только последние, на которых были зарегистрированы новые случаи заболевания за последние семь дней, должны были «быть подвергнуты карантину и дезинфекции в разной степени» в зависимости от наличия или отсутствия медицинского персонала на борту. Единственным спорным моментом оставалось исключение из действия этих мер британских военных транспортов, заражённых или только с подозрением на заражение. Просьбу Лондона поддержали Германия, Австро-Венгрия и Италия, но предложенная поправка была отклонена (Говард-Джонс Н., *op. cit.*).

Конвенция была подписана делегатами пяти стран (Австро-Венгрии, Франции, Италии, Нидерландов и России). Шесть делегаций присоединились к ней с оговорками. Английское представительство, в которое также входила Британская Индия, оставило за собой право подписать его позже, когда будут прояснены некоторые «практические последствия»; оно сделало это в мае следующего года, после достижения соглашения с Францией и Австро-Венгрией по определённым поправкам, одобренным другими странами и включённым в окончательный текст.

Заражение сухопутным путём

Первая конвенция была посвящена исключительно контролю за морскими перевозками; вопрос о паломничестве в Мекку был лишь упомянут. Однако вибрион прибыл в Европу по земле.

В 1892 году пятая пандемия холеры распространилась из Афганистана в Персию, достигла Москвы и Петербурга в России, а также Западной Европы. Болезнь жестоко обрушилась на Гамбург, а затем двинулась на Париж и Неаполь. Пятая пандемия стала проверкой для санитарных мер по борьбе с эпидемиями, предпринятых буржуазией в предыдущие десятилетия под давлением холеры. Политика по благоустройству перенаселённых районов с антисанитарными условиями проживания имела крайне разнообразные проявления.

Историк медицины Фрэнк Сноуден приводит примеры Парижа и Неаполя в качестве «подтверждения» результатов санитарных мероприятий. В Париже Жорж-Эжен Осман руководил сносом страдающих от антисанитарии центральных районов с переселением населения в пригороды и строительством больших зданий, широких бульваров и канализационных сетей. Перестройка спасла новые городские районы, в которых во время пандемии «было лишь несколько изолированных случаев» заболевания, но не пригороды и районы рабочего класса. «Заметное ограничение проекта Османа – это скудное внимание, уделённое судьбе перемещённых в пригороды рабочих, с санитарной и иных точек зрения. Здесь сохранялись проблемы перенаселённости, плохого жилья и бедности, а в 1892 году вспыхнула холера в достаточно широких масштабах, чтобы подорвать устремления [которые имела] Вторая империя. Болезнь была изгнана из центра, но экспортирована на периферию» («Storia delle epidemie», 2020).

В Неаполе ситуация была ещё более тяжёлой, особенно во время последней пандемии, поразившей Западную Ев-

ропу в 1911 году. Стал очевиден провал «Оздоровления» – амбициозного проекта, начатого в 1889 году, который предполагал ликвидацию вспышек холеры путём масштабной перестройки самых нездоровых районов. Однако «Оздоровление» село на мель из-за незавершённого характера работ, перераспределения средств на другие нужды и т.д. Масштабы «катастрофы» в Неаполе в 1911 году трудно оценить, – добавляет Сноуден, – «поскольку итальянские власти, как на национальном, так и на муниципальном уровне, проводили политику сокрытия, вплоть до отрицания существования болезни. Признание вспышки азиатской холеры было бы позорной констатацией отсталости», а «премьер-министр Джолитти навязал политику замалчивания и фальсификации статистики». В действительности же Лоренцо Дель Панта сообщает о более чем трёх тысячах смертей от холеры в Италии только за 1893 год («Le epidemie nella storia demografica italiana (secoli XIV–XIX)», 1980).

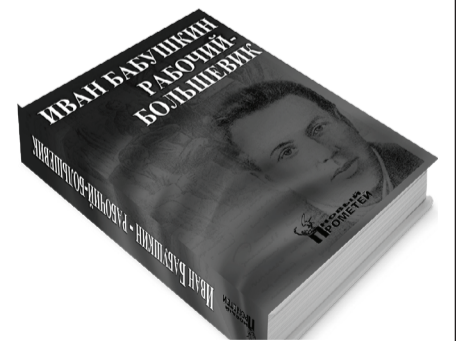
В промышленных центрах Северной Европы пятая пандемия затронула почти исключительно Гамбург, где, по статистике Коха, погибло почти девять тысяч человек.

Восьмая Международная санитарная конференция, открывшаяся в Дрездене 11 марта 1893 года, была вынуждена признать, что холера прибыла из Индии не через Суэц, а по суше. Необходимо было решить проблему железнодорожного и почтового сообщения, а также ввести медицинское наблюдение за путешественниками по суше. Европа оказалась неподготовленной: по словам Говарда-Джонса, никаких специальных защитных мер ранее не предпринималось, даже Великобританией, которая отрицала, что инфекция прибыла морским путём.

Среди первых поднятых вопросов было «пагубное действие» – подвергнутое осуждению немецкой делегацией – для торговли, которое вызвали «чрезмерно строгие ограничения вывоза товаров из Германии во время эпидемии в Гамбурге». Снова центральным вопросом выступает бизнес.

Ноябрь 2022 г.

РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.

6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Гиганты Азии: Китай в новом веке империализма

Съезд “решающего”

XX съезд КПК завершил «год выборов в Китае». «Электоральная работа, – пишет *China Daily*, – [проходила с ноября по июль] 38 избирательных единицах, [включая] регионы провинциального уровня, центральные органы власти, центральный финансовый сектор и государственные предприятия, вплоть до центральной администрации со штаб-квартирой в Пекине». Количество кандидатов на участие в съезде превышало количество имеющихся мест на 15 %, а 8 % кандидатов в следующий ЦК были отклонены на «предварительных выборах». Эта практика была опробована ещё на VIII-м съезде КПК в 1956 году, подхвачена Ху Цзиньтао на «тайных праймериз» 2007 и 2012 годов и теперь вновь введена Си Цзиньпином после того, как он выбрал прямые «интервью» с «крупными избирателями» в 2017 году, пишет *Global Times*.

Такие формы принимает политическая борьба в Китае, в то время как съезд ожидает, что на мировой авансцене появятся «сильные ветры, высокие волны и даже опасные штормы». Политические формы и институциональные механизмы пытаются обеспечить централизацию плюрализма сил, которая отвечала бы обоим этим движениям, чтобы ответить на дилеммы «однопартийного плюрализма», и мы видим, как в Китае переплетаются узлы империалистического противостояния и империалистической демократии.

Традиция и взвешенное представительство

«Китайская демократия, – пишет Ян Сюэдун из Университета Цинхуа, – представляет собой сочетание консультативной и избирательной демократий». В списке на включение в ЦК КПК, Политбюро ЦК КПК и Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК должны входить «ключевые члены партии и руководящие депутаты от всех областей, ведомств, фронтов и отраслей»: «Это хорошо продуманный план с разумной структурой, сбалансированным распределением и хорошей массовой базой». Таким образом, ещё одним важным фильтром во внутреннем балансе огромного механизма плюрализма мандаринов являются «вертикальные грамоты» кандидатов, подвергаемых тщательной проверке в рамках всё более густых сетей взаимосвязей, что напоминает древнюю практику “экзаменов”. Кроме того, несколько суггестий о «демократии с китайской спецификой», исходящих из Сингапура, напоминают, что в своё время Сунь Ятсен добавил к “трём ветвям власти” либеральной демократии ещё одну, связанную с экзаменами и проверками, «чтобы отразить китайскую традицию».

В этом году окончательное право вето было предоставлено 243 членам Президиума съезда, в состав которого вошли члены уходящего Политбюро ЦК КПК, ветераны партии, министры, провинциальные и военные руководители. Были опровергнуты слухи о том, что с 2012 года эта функция будет принадлежать только Специальному комитету Президиума, то есть 46 членам постоянных комиссий прошлого Политбюро, как действующих, так и – если хорошо присмотреться – *in restore*¹. Однако расширенная ревизия этой группы может лишь частично уравновесить значительную политическую централизацию, проведённую группой Си Цзиньпина в течение его третьего мандата на посту генерального секретаря партии, и любые серьёзные контрдвижения, если они вообще проявятся, следует искать в провинциях и конгломератах провинций в Политбюро. Отсюда вытекает основная дозировка централизма и плюрализма, с которой китайское империалистическое государ-

ство продвигается в новые 20-е годы всемирного противостояния.

Съезд кризиса порядка

Цзинь Цаньжун, старейшина реалистской Школы международных исследований при Китайском народном университете, перечисляет некоторые «вызовы», обсуждавшиеся на XX съезде КПК: старые державы «сейчас всё более неохотно соглашаются с восхождением Китая»; страна приобретает всё больше и больше интересов за границей, но ещё не имеет военных средств для их защиты; тем временем растёт «международная ответственность» Китая. А ещё в большой зал съезда ворвалась обнародованная незадолго до съезда американская Стратегия национальной безопасности, утверждающая, что США предстоит столкнуться с «решающим десятилетием» в соперничестве с Китаем. Вашингтон говорит: «Сейчас мы находимся в переломном моменте, когда выбор, который мы делаем, и приоритеты, которыми мы руководствуемся сегодня, направят нас на курс, который определит нашу конкурентоспособность в будущем».

С одной стороны, американские заявления подтверждают вектор работы XX съезда и его «лекторальную риторику». Дин Ган, автор «Жэньминь жибао» с 1987 года, предупреждает, что «опасность приближается шаг за шагом», «возможно, завтра и не разразится настоящая война, но прогрессирующее ухудшение китайско-американских отношений [...] достигло критической точки». С другой стороны, Дин толково описывает слепое действие закона, нарушающего империалистический порядок, о котором слышал и съезд. Соединённые Штаты «зажгли длинный фитиль», который не погасить словами: «История говорит нам, что очень часто бывает трудно контролировать время начала войны. Когда уже определена стратегия поражения конкретного противника, стратеги не могут понять, какая именно соломинка сломает спину верблюду».

Кевин Радд, бывший премьер-министр Австралии, внимательно наблюдающий за китайской политикой, считает, что «теперь ясно, что КПК больше не исключает возможности крупной войны в ближайшем будущем». XX съезд постановил, что следующие «пять лет» будут «критическими» с точки зрения построения китайской мощи. Это соответствует политическому выбору третьего мандата Си Цзиньпина.

Централизация и плюрализм

Об этом уже говорили четыре года назад, когда конституционная поправка сняла ограничение в два пятилетних срока для председателя КНР, «синхронизировав» «третий мандат» с должностями генсека партии и председателя Центрального военного совета. В то время говорили, что Китаю необходимо завершить экономическую реструктуризацию, политическую модернизацию и военно-политическое утверждение на мировой арене. В пятнадцатилетний период 2020–2035 гг. Пекин особенно нуждается в «стабильном, сильном и согласованном», или «централизованном и едином», руководстве.

С одной стороны, закрепление мандата и подбор членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК из числа приближённых Си Цзиньпина значительно усиливают централизацию коллективного руководства. Именно на этом сосредоточены комментаторы, опасющиеся, что превосходство «лоялистов» Си в компенсационной камере баланса сил мандаринов может затормозить развитие плюрализма или даже задушить его из-за отсутствия противовесов и недостаточного представительства конкурирующих фракций. Хотя с тем же успехом можно также предположить, что именно потому, что они

являются «лоялистами», новые мандарины смогут лучше гарантировать многостороннее представительство. С другой стороны, есть интерпретация, предполагающая протекционистское закрытие «крепости Китая», но она менее убедительна, поскольку до сих пор находившиеся у власти прибрежные провинции возглавляли противоположное движение.

С другой стороны, в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК приходят представители суперпровинций, консолидированных в последние годы вокруг Пекина, Шанхая и Гуанчжоу, и налицо максимум «федерализма де-факто» с беспрецедентным прямым присутствием представителей 11 провинций в Политбюро ЦК КПК. В их число входят провинции Фуцзянь и Чжэцзян – регионы, на которые опирается политическая коалиция, представленная Си Цзиньпином, а также провинции Маньчжурии и “жёлтого Китая”, ориентированные на различные направления мирового рынка (см. вставку).

Для нашего конкретного анализа политической фрагментации буржуазии в Китае плодотворным оказалось внимание к провинциям, а не к дихотомии между комсомолом и партийными “принципами”, которая в конечном счёте была преодолена. Под поверхностью борьбы между “родами” КПК находились «пять озёр и четыре моря» капиталистических групп и фракций, трансформированных империалистическим развитием. Их множественные импульсы китайскому и мировому рынку в итоге должны найти свои политические выражения, но в какой форме это произойдёт, может сказать только дальнейший политический анализ.

Сигналы от “чжэцзянской армии”

Важность ориентации китайских регионов была подчёркнута введением (начиная с этого года) пяти «коллективных» пресс-конференций провинций в кулуарах съезда. На первой из них, прошедшей 18 октября, совместное развитие Пекина, Тяньцзиня (и в частности его района Хэбэй) было увязано с оживлением маньчжурской промышленности, завязанной на провинцию Ляонин, которая сейчас представлена в Политбюро ЦК КПК, и реструктуризацией энергетики в угледобывающей отрасли провинции Шаньси. На второй конференции провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь и Цзянси были связаны с «социалистическим интернациональным мегаполисом, имеющим глобальное влияние» – Шанхаем. Затем на конференции 10 ноября Пекин заявил о возобновлении планов по созданию «единой и открытой рыночной системы» в дельте Янцзы, экономической зоне «размером примерно с Германию». Представитель провинции Чжэцзян заявил, что дискуссии на конференции были «чрезвычайно оживлёнными» и касались концепции “пилотной области всеобщего процветания”, где был бы обеспечен примат роста доходов над их перераспределением, открыто противостоящей старой эгалитарной “чунцинской модели” Бо Силая.

Свой вклад внёс также шэньчжэньский политолог Чжэн Юнъянь, представив прессе доклад “Китайский подход к всеобщему процветанию” (2022). На презентации присутствовали Ли Ши, автор-реформист Выборочного обследования доходов китайских домохозяйств, и Юань Цзяцзюнь, автор тома и секретарь Комитета КПК провинции Чжэцзян, ныне входящий в Политбюро ЦК КПК, но также ощущалось покровительство упомянутого во введении Ван Яна, бывшего секретаря Комитета КПК провинции Гуандун и уходящего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Провинция ищет «китайскую модель государства всеобщего благосостояния [...], более сильную, чем европейская», но при-

знаёт, что в настоящее время наиболее успешное «равновесие» достигнуто в немецкой «социальной рыночной экономике». В главе о «немеханических» отношениях между благосостоянием и демократией Чжэн рассматривает и японскую модель: «долгое время Япония была однопартийной системой [...], хотя существовала конкуренция между фракциями» внутри Либерально-демократической партии. В дискуссиях, которые просачиваются из Запретного города через тексты представителей провинций, даже люди провинции Чжэцзян, похоже, не отказываются поднимать вопросы социал-демократии и однопартийного плюрализма.

Суперпровинции и институциональная открытость

На третьей совместной конференции провинция Гуандун представила свой проект Greater Bay Area, разработанный совместно с центральными провинциями – регионом, за который идёт историческое противостояние с Шанхаем. Для юго-западных провинций Чунцин представил “коридор” в Юго-Восточную Азию. На данный момент побратимы Чэнду и Чунцин, похоже, являются отстающими среди китайских суперпровинций. Наконец, Синьцзян и требующие осторожного подхода провинции дальнего запада были представлены Пань Гуншэном, заместителем управляющего Народным банком Китая, который напомнил о «централизованном руководстве» КПК и «настаивал на финансовой открытости».

«Синьцзин Бао», третья пекинская газета, приобретённая “Наньфан Жибао” из Гуанчжоу, отмечает, что XX съезд принял концепцию «институциональной открытости». Шэньчжэнь и Шанхай призывают к «дальнейшей открытости для внешней торговли и инвестиций [...] для достижения международной интеграции процедур, стандартов и правил». Это означает «дальнейшее ослабление доступа на рынок для иностранного капитала» и стремление к «двустороннему» открытию. Эти тезисы, исходящие из Шэньчжэня, похоже, пробивают себе дорогу. С другой стороны, формула «модернизации по-китайски» содержит противосмысленные в виде элементов протекционизма и промышленной политики наряду с концепцией «всеобъемлющей национальной безопасности», затрагивающей экономику и технологии, а также интересы за рубежом.

Экспансионизм как инклюзивный глобализм

Global Times отрицает тезисы о «крепости Китая», осаждённой старыми державами, и ценит преемственность лидерства как гарантию открытости внешнему миру, направленной против колебаний старых демократий. Эта обсуждаемая в Политбюро ЦК КПК империалистическая линия направлена, как мы видели, на разделение течений старых метрополий, и её сторонники получили очень важные сигналы из Германии с визитом в Пекин канцлера Олафа Шольца, из Ватикана с ратификацией временного соглашения о назначении епископов и с Уолл-Стрит с визитом («поклоном», по определению *Wall Street Journal*) глав крупных американских финансовых групп в Гонконг сразу после XX съезда.

Чжэн Юнъянь уточняет в *Global Times*, что это «послание» также адресовано «другим развивающимся странам», которым Пекин предлагает «возможность провести модернизацию при сохранении независимости» и преодолеть сопротивление старых держав, пытающихся замедлить подъём Китая. Запрос Пекина на «открытые двери» на развивающихся рынках и предложение державам, нуж-

Десятилетия”

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

XX съезд КПК знаменует собой третий срок Си Цзиньпина на посту генерального секретаря. В качестве мандаринов **Постоянного комитета** Политбюро ЦК КПК подтверждены Чжао Лэци (“закон”) и Ван Хунин (“перо”). Также туда войдут представители суперпровинций: Ли Цян от дельты Янцзы, Цай Ци от экономической зоны столицы и Ли Си от Большого залива провинции Гуандун вместе с Дин Сюэсяном, человеком-машиной из Шанхая. Все эти люди считаются близкими соратниками Си и выражением “чжэцзянской клики” за то, что делали карьеру параллельно с “новым рулевым” в прибрежных провинциях.

Си Цзиньпин (Пекин, 1953 г. р.) – центральная фигура «пятого поколения», «верховный лидер» государства, «верховный главнокомандующий» вооружёнными силами Китая и «ядро руководства» КПК. Напомним, что Си работал в провинции Фуцзянь с 1985 года, был её губернатором с 1999 года, секретарём Комитета КПК провинции Чжэцзян с 2002 года, а с 2007 года – города Шанхай. С 2012 года он также взял на себя управление четырьмя новыми центральными комиссиями: по иностранным делам, экономике и финансам, по углублению реформ и национальной безопасности.

Ли Цян (Чжэцзян, 1959 г. р.) – секретарь Комитета КПК города **Шанхай** с 2017 года. Ранее был губернатором провинции Чжэцзян (2012–2016) и секретарём Комитета КПК провинции Цзянсу (2016–2017). Он поочередно работал в трёх ключевых провинциях дельты Янцзы. Если Шанхай – финансовая столица Китая, то Чжэцзян – провинция торговой фракции, а также один из самых энергичных источников частного предпринимательства и родина китайских лавочников. Вместе с районами с высоким уровнем экспорта в направлении Нанкина эти три административных единицы образуют дугу, простирающуюся вдоль реки Янцзы до Ухана и выходящую к морю. Опираясь именно на этот регион, Цян Цзэминь и Чжу Жунцзи привели Китай в ВТО.

Чжао Лэци (Цинхай, 1957 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинций Цинхай и Шэньси, заведующий Организационным отделом ЦК КПК и секретарь дисциплинарной комиссии Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК с 2017 года. С марта он может представлять Всекитайское собрание народных представителей в “балансе сил с китайской спецификой”.

Ван Хунин (Шанхай, 1955 г. р., прозвище – “перо”). В течение 30 лет был одним из авторов формул, с помощью которых китайские лидеры пытались возглавить производство идеологий для растущего империализма. В наших статьях мы комментировали такие его тексты, как “*America Against America*” (1991) и “*Logic of Politics*” (2004). Он может председательствовать на Народной политической консультативной конференции с марта следующего года.

Цай Ци (Фуцзянь, 1955 г. р.) – секретарь Комитета КПК **Пекина**, столицы страны, расположенной в центре северной суперпровинции Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй с населением более 100 млн человек. Сформировавшись в Комитете КПК провинции Фуцзянь в 1980-х годах, в 1999 году он был переведён в провинцию Чжэцзян: он был мэром Ханчжоу (столицы этой провинции) с 2007 года и заместителем губернатора провинции в 2013 году. В 2014 году был кооптирован в состав Комиссии по национальной безопасности, созданной Си Цзиньпином. XX съезд привёл его в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК в качестве первого секретаря Секретариата ЦК КПК – органа, на который возложена организация повседневной деятельности Политбюро.

Дин Сюэсян (Цзянсу, 1962 г. р.). Присоединился к Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК в качестве второго секретаря Секретариата ЦК КПК и руководителя Главного управления ЦК КПК. По профессии инженер, с 1982 по 1999 год работал в Институте материаловедения и инженерии при Шанхайском университете – авторизованном центре Министерства тяжёлой промышленности. В 2004 году был главой организационного отдела Комитета КПК Шанхая, в 2006 году – заместителем секретаря городского Комитета КПК, а в 2007 году – политическим секретарём Си Цзиньпина. С 2013 года стал его “начальником штаба”, заместителем руководителя Главного управления ЦК КПК, а в 2017 году получил место в Политбюро ЦК КПК.

Ли Си (Ганьсу, 1956 г. р.). Получил образование в своей родной провинции, с 2006 по 2011 год секретарь Комитета КПК города Яньбань в провинции Шэньси, с 2011 по 2014 год глава Организационного отдела ЦК КПК и заместитель секретаря Комитета КПК Шанхая, с 2014 по 2017 год губернатор и секретарь Комитета КПК провинции Ляонин, с 2017 по 2022 год секретарь Комитета КПК провинции Гуандун. *Путешествующий мандарин*. После того, как он набрался опыта в Шанхае, его отправили наводить порядок в провинции Ляонин, а затем управлять провинцией **Гуандун**, которая могла стать либо трамплином для политической карьеры на национальном уровне, либо конечным пунктом. Возьмёт на себя руководство Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины.

Политбюро “федерализма де-факто”

Впервые в число 24 членов Политбюро ЦК КПК вошли секретари, отвечающие за 11 провинций, включая (на момент написания) секретаря Пекина, который присоединился к представителю Пекина в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК. Представители Шанхая и провинций Тяньцзинь и Гуандун традиционно на протяжении четырёх десятилетий регулярно входили в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, а в 2007 году право на это место приобрёл представитель провинции Чунцин. Представители провинций Шаньдун и Синьцзян уже присутствовали в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК в 1992–1997 и 2002–2012 годах соответственно. Представители провинций Фуцзянь, Чжэцзян, Шэньси и Ляонин входят в него впервые с 1987 года, в котором Дэн Сяопин наладил метаболизм Политбюро ЦК КПК. Есть победители и проигравшие от реструктуризации – это соответственно провинции, ориентированные на открытость, и провинции, ориентированные на внутренний рынок, к первым относятся области с разнородными международными связями, представленные множеством членов “чжэцзянской армии” и “аэрокосмической клики”, частей военно-промышленного комплекса, поддерживающих Си Цзиньпина. Они могли бы способствовать институционализации “федерализма де-факто” китайской системы.

Ма Синжуй (Хэйлуньцзян, 1959 г. р.) – секретарь Комитета КПК **Синьцзян-Уйгурского автономного района** с декабря 2021 года. По профессии аэрокосмический инженер, с 2007 года

руководил группой China Aerospace Science and Technology Corporation (CASC), с 2013-го – программы China National Space Agency и лунной миссией “Чанъэ-3”. В 2015 году он был секретарём Комитета КПК города Шэньчжэнь в провинции Гуандун, а в 2016 году – губернатором этой важной провинции; член “аэрокосмической фракции”.

Инь Ли (Шаньдун, 1962 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Фуцзянь** с декабря 2020 года. Учился в Шаньдунском медицинском колледже, Москве и Бостоне; в 2003 году поступил на работу в Министерство здравоохранения, а в 2008-м стал заместителем министра. В 2016 году переведён в провинцию Сычуань и сейчас является её губернатором. Благодаря своему медицинскому образованию был одной из фигур, которые смогли выделиться во время пандемии.

Лю Гочжун (Хэйлуньцзян, 1962 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Шэньси** с июля 2020 года. Изучал инженерное дело в Нанкине, в 2004 году был секретарём Комитета КПК угольного городского округа Хэган на Амуре, а в 2011-м – заместителем губернатора родной провинции. Отсюда началась его развездная карьера: в разные годы он работал заместителем секретаря Комитета КПК провинции Сычуань (2016), губернатором провинции Цзялинь (2017) и заместителем секретаря Комитета КПК провинции Шэньси (2017).

Ли Ганьцзе (Хуань, 1964 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Шаньдун** с сентября 2021 года. Он изучал промышленную физику в Университете Цинхуа и работал в Национальном управлении по ядерной безопасности. В 1999 году работал в посольстве Китая во Франции, прежде чем снова вернуться в Управление. В 2008 году был заместителем министра окружающей среды, а в 2016 году – заместителем секретаря Комитета КПК провинции Хэбэй (центра сталелитейной промышленности, загрязняющего окружающую среду). С 2020 года является губернатором провинции Шаньдун.

Ли Хунчжун (Ляонин, 1956 г. р.) – секретарь Комитета КПК муниципалитета **Тяньцзинь** с 2016 года. Стажировался в городе Шэньян, в 1985 году последовал за Ли Тенном в провинцию Ляонин и Министерство электронной промышленности. В 1988 году его перевели в провинцию Гуандун, и он стал мэром городского округа Хуэйчжоу, вице-губернатором провинции (2001) и, наконец, мэром города Шэньчжэнь. С 2007 по 2016 год он был губернатором и секретарём Комитета КПК центральной провинции Хубэй со столицей в Ухане.

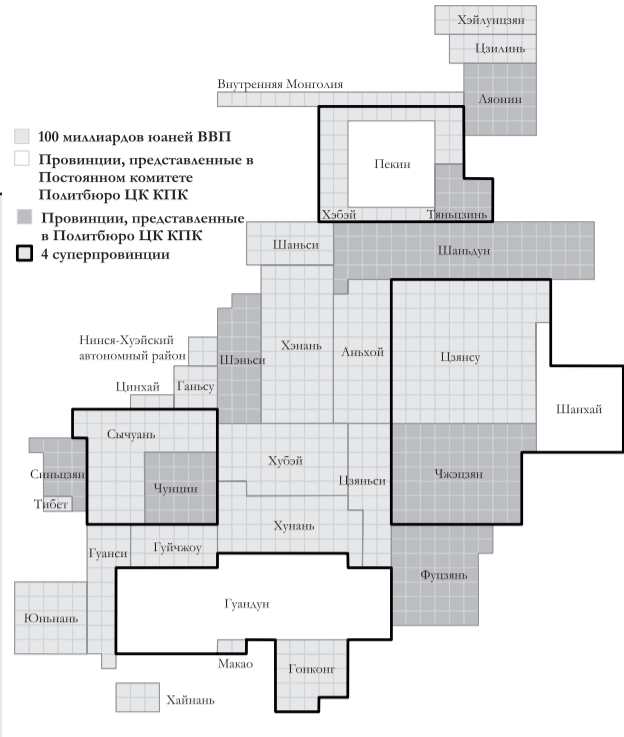
Чжан Гоцин (Хэнань, 1964 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Ляонин** с сентября 2020 года. Он изучал электротехнику в городе Чанчунь, а затем работал в Norinco, военном поставщике с севера страны. Работа в военной промышленности привела его в Тегеран; он стал вице-президентом и управляющим директором группы, представленной в ЦК КПК. Он сохранил это место, когда его назначили мэром Чунцина (2016), а затем Тяньцзиня (2018). Его можно причислить к людям, связанным с ВПК.

Чэнь Цзинин (Ляонин, 1964 г. р.). Стал секретарём Комитета КПК **Шанхая** на XX съезде, заменив Ли Цяна. Получив образование в Университете Цинхуа, он с 1999 года возглавлял факультет экологической инженерии, а с 2012 года стал руководителем университета, в следующем году был избран во Всекитайское собрание народных представителей. В 2015 году был министром охраны окружающей среды, а в 2017-м – мэром Пекина.

Чэнь Миньэр (Чжэцзян, 1960 г. р.) – секретарь Комитета КПК муниципалитета **Чунцин** с 2017 года, входит в так называемую “чжэцзянскую армию”. В 1999 году был главным редактором *Zhejiang Daily*, когда там публиковался Си Цзиньпин, затем стал заместителем губернатора этой провинции, а Си – секретарём местного Комитета КПК. Переведённый в провинцию Гуйчжоу, он стал её губернатором и секретарём её Комитета КПК; наконец, в 2017 году (после зачистки Сунь Чжэнцая) он стал секретарём Комитета КПК муниципалитета Чунцин. В гипотезе об усилении кооптации представителей внутренних метрополий его имя циркулировало в качестве представителя этой тенденции в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК.

Юань Цзяцзюнь (Цзялинь, 1962 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Чжэцзян** с сентября 2020 года. По профессии аэрокосмический инженер, поступил на работу в Министерство аэрокосмической промышленности в 1984 году, руководил программой, которая доставила в космос первого китайского астронавта, и сейчас разрабатывает первую орбитальную станцию. Вице-президент CASC с 2007 года, он работает над китайской и китайско-российской лунной миссией по исследованию Марса. В политике с 2014 года, заместитель губернатора, а затем губернатор престижной провинции Чжэцзян.

Хуан Куньмин (Фуцзянь, 1956 г. р.) – секретарь Комитета КПК провинции **Гуандун** после XX съезда, сменил Ли Си. В 1982 году он работал в комсомоле городского округа Луньянь, в 1993 году был секретарём Комитета КПК района городского подчинения Юндин, говорящего на языке хакка, где в результате совместного предприятия с Daimler родилась Fujian Motors Group, в 1999 году был мэром Хучжоу (“города шёлка”) в провинции Чжэцзян, а в 2003 году – промышленного городского округа Цзясин, граничащего с Шанхаем. Хуан также сотрудничал с Си Цзиньпином при написании последних статей для *Zhejiang Daily*. В 2010 году был секретарём Комитета КПК города Ханчжоу, столицы провинции Чжэцзян, расположенной на южном выходе Великого канала. В 2012 году присоединился к Отделу пропаганды ЦК КПК, которым руководит с 2017 года, заняв место в Политбюро ЦК КПК.

дающимся в глобализации, может быть очень мощной внешнеполитической линией, в том числе и потому, что исходит из бывшей полуколонизальной страны, противостоит США с их имиджем страны, которая «подрывает глобализацию» и «даже разжигает региональные конфликты» для поддержания установленного порядка, и дистанцируется от вооружённого ревизионизма России.

Ван Вэнь, исполнительный ректор Института Чунъян, находящийся сейчас с миссией в Москве, сообщил наблюдателям из “Гуанча” (издание шанхайского Института Вёсен и Осеней), что Дракон «должен иметь свой собственный способ осуществления экспансии в китайском стиле, а именно мирный и инклюзивный глобализм». На XX съезде должны были быть отточены и мирные инструменты раздела

мира, поскольку шаги империалистических гигантов-«сомнамбул» продолжают сопровождаться принятием планов перевооружения. Для ленинистов это ещё одно подтверждение: вызовы “решающего десятилетия” требуют от ленинистов научной холодности и энергичного революционно-го милитаризма.

1 – Латинское выражение, переводимое как «в груди», «в сердце», «в тайне». Выражение появилось в 1536 году в качестве термина Римской курии для того, чтобы обозначить кардинала, которого Папа назначил своим секретным решением. Если Папа об этом не сообщил до своей смерти Консистории, то такое назначение считается недействительным.

Япония и Южная Корея обсуждают сдерживание

В 1969 году министерство иностранных дел Японии опубликовало закрытый доклад для правительства Эйсаку Сато (1964–1972) под названием «Общие принципы внешней политики Японии», ставший результатом долгих внутренних дискуссий. В докладе утверждалось, что страна преследовала политику «необладания никаким видом ядерного оружия», однако сохраняла «экономический и технический потенциал для производства ядерного оружия и старалась избежать любых ограничений» со стороны других стран.

Этим документом Токио подтверждал, что следует развитию собственного «цикла, свободного от ископаемого топлива», то есть производства и очищения ядерного топлива для гражданских нужд, оставляя открытой возможность создания «военной программы» в качестве одной из сторон «собственного потенциала сдерживания».

«Скрытые намерения» и «ядерный кабуки»

Такова формула «скрытых намерений», которая сохраняется и по сей день. В 2014 году близкий соратник Синдзо Абэ утверждал, что «Япония никогда не произведёт ядерное оружие, однако обладание способностью его произвести очень важно для отношений с Китаем и Северной Кореей» (Ota M. *Conceptual Twist of Japanese Nuclear Policy*, 2018). Специалист по вопросам атомной отрасли, доцент Университета Нагасаки и член редакции *Japan Times* Нагасаки Ота пишет, что все правительства после 1956 и особенно после 1964 года, когда были проведены первые китайские ядерные испытания, придерживались этой выверенной двойственности. Её применяли в первую очередь в отношении вопросов мирного и военного атома в рамках альянса с Вашингтоном, который прозвали «ядерным альянсом».

В этом плане Япония разыграла спектакль «дипломатического театра кабуки». Народный театр кабуки обращается больше к символизму, выраженному в масках артистов, нежели к игровому тексту. В 1960-е годы Токио считал, что для него произвести два десятка боеголовок в год было вполне реально и «относительно недорого». Однако в то же время «политическая цена [этого] была бы слишком велика», если сравнивать с защитой так называемого «американского ядерного зонтика».

«Томагавки» для Токио

Дебаты о контратакующем потенциале Токио выглядят разумными. Что касается политической позы, Япония заявляет о «защитной контратаке» – это одна из китайских формул, задействованных в описании ограниченных конфликтов с Индией в 1962 году и с Вьетнамом в 1979-м. Что касается потенциала, она завершает покупку у США партии крылатых ракет «Томагавк» – временная мера в ожидании массового производства собственных ракет, назначенная на 2026–2027 годы. «Томагавки» дальностью 2.500 км, размещённые на флоте, позволяют Японии поразить всю территорию Северной Кореи и прибрежные регионы Китая – это вдобавок к тому, что *Yomiuri Shimbun* и *Sankei Shimbun* называют воз-

можностью «наглядной демонстрации» «усиленного японского сдерживания».

Можно вспомнить, что ядерная версия ракеты (TLAM-N), оснащённая боеголовками разной мощности (от 5 до 150 килотонн), оставалась в американском тактическом арсенале до 2013 года. Вывод ракет из эксплуатации вызвал оппозицию Токио, который «неформально», как пишет японская пресса, предложил купить ракеты для собственных вооружённых сил, однако получил отказ Вашингтона. Вплоть до сегодняшнего дня только британский Королевский флот развёртывает «Томагавки», но США, похоже, хотят предоставить их также австралийским, канадским и нидерландским ВМФ. В военном плане Токио сравнялся бы с Лондоном; эти две столицы, а также Канберра и Берлин обсуждают соглашения о военном сотрудничестве. Одновременно Япония расширяет границы автономного действия и укрепляет отношения с Вашингтоном.

Тактические вооружения в Пхеньяне

Война на Украине, стратегическая напряжённость между США и Китаем и очередные ракетные угрозы Пхеньяна, подкреплённые ядерными боеголовками, – все эти факторы отражаются на дискуссиях в Сеуле. В 2022 году Северная Корея провела больше 80 испытаний баллистических ракет, из которых треть – всего за месяц. В сентябре Пхеньян заявил, что не исключает превентивного удара против экзистенциальных угроз стране и режиму. Он желает развивать тактический арсенал для собственных ракет малой и средней дальности.

Согласно оценкам международных экспертов, арсенал Пхеньяна насчитывает 40–70 боеголовок, каждый год их производится 4–5 штук. С середины 1960-х годов северокорейское руководство считало, что это было необходимо, чтобы воспрепятствовать американской и японской военной интервенции во втором конфликте на полуострове. С 1958 по 1991 год США сохраняли в Корее массовое ядерное присутствие: порядка тысячи единиц тактического оружия, по большей части артиллерийских снарядов, ракет малой дальности и взрывных устройств, по сути, мин. Фактически целью являлось окружение СССР и Китая по линии Западная Европа – Азия. В 1967 году, согласно японским и американским источникам, в Азии было развёрнуто порядка 3.000 американских ядерных боеголовок, в основном в Корее и Японии, с целью сдерживать СССР и Китай (Roehrig T. *Japan, South Korea, and the United States Nuclear Umbrella*, 2017).

Американский арсенал и ядерные амбиции Сеула

Ещё в 1979 году доклад Пентагона подчёркивал, что присутствие тактических вооружений в Южной Корее (вывезенных из Японии в 1971–1974 годы на носителях, расположенных на кораблях Седьмого флота) имело более «символическую и политическую ценность», нежели военную, как средство «успокоить союзников». Как пишет Теренс Рёриг, близкий к военно-морским кругам США, это делалось также

для сдерживания ядерных амбиций режима в Сеуле.

Военная диктатура Пак Чон Хи (1917–1979, президент в 1963–1979 гг.) следовала военной ядерной программе с 1971 по 1979 год, не доверяя гарантиям безопасности Вашингтона, особенно после вывода войск из Вьетнама и открытия Китаю. То же относится и к тайваньскому режиму, который проводил собственную военную ядерную программу с 1964 по 1988 год (Fitzpatrick M. *Asia's Latent Nuclear Powers*, 2016). Сеул являлся открытым сторонником ядерного распространения по французской голлистской модели, используя его как инструмент политического торга с Вашингтоном.

Сеул, Токио и гарантии Вашингтона

Сегодняшние южнокорейские дебаты симметричны тем, что ведутся в Японии, однако более открыты в том, что касается отражения в прессе – в отличие от линии молчания и намёков, свойственных японской прессе. Нынешний президент-консерватор Юн Сок Ёль, третий католический глава государства после Ким Дэ Чжуна (1998–2003) и Мун Чжэ Ина (2017–2022), ввёл в свою электоральную программу требование вернуть американское тактическое ядерное оружие на полуостров и заключить соглашение о «[его] совместном использовании» внутри альянса. Это не только созвучно, но и совпадает по времени с заявлениями Абэ в начале украинского конфликта.

Наблюдатели отмечают, что в отличие от Японии в Корее общественное мнение, в том числе на левом фланге, широко выступает за национальное ядерное перевооружение, хотя политический истеблишмент в последние десятилетия занимал более сдержанную позицию по этому вопросу. И Токио, и Сеул политически используют ситуацию «скрытых ядерных намерений», чтобы добиться заверений от Вашингтона. США предлагают свой «зонтик», однако с 1990-х годов пытаются сместить акценты на концепцию «расширенного сдерживания», подразумевающую приоритет конвенционального стратегического сдерживания, то есть сдерживания с использованием бомбардировщиков и подводных лодок.

По мнению Рёрига, обе азиатские столицы, особенно Токио, не сомневаются в американском потенциале сдерживания, но ищут подтверждения его «надёжности». Однако по этому поводу не только Рёриг, но даже Генри Киссинджер, подчёркивают двойственность. Бывший госсекретарь открыто заявил об этом в речи в НАТО в 1979 году: «наши союзники» не должны просить нас «умножить стратегические заверения, которые мы не можем всерьёз поддерживать, или, если уж говорить на чистоту, которые мы действительно никогда не осуществим» (Delpach T., *Nuclear Deterrence in the 21st Century*, 2012). На практике США не могут действительно гарантировать применение собственного стратегического арсенала в случае ядерного нападения на их союзника.

Применение ядерного оружия считается и последним доводом, и охлаждающим фактором, нацеленным на поддержание стабильности или стра-

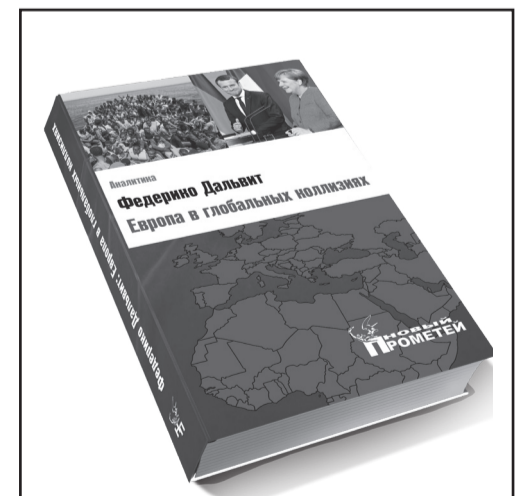
тегического статус-кво. Вашингтон исключил намерение вернуть тактическое ядерное оружие в Южную Корею, хотя и сохраняет его в собственном арсенале. По мнению российского специалиста по Корее Андрея Ланькова, Вашингтон не хочет наращивать стратегическую напряжённость с Пекином и Москвой, которые могут подогреть ядерные амбиции Пхеньяна и Тегерана.

10.000 ракет

В комментарии на страницах *Joon-gAng Ilbo*, третьей крупнейшей газеты Сеула, связанной с группой Samsung и, как считается, армейскими кругами, подчёркивается, что было бы удобнее и «менее дорого» приобрести арсенал в «десять тысяч [конвенциональных] ракет», а не двигаться по «ядерной тропе». По мнению корейско-американских дипломатических кругов, ядерная опция для Сеула заложила бы основу «экономического декаплинга» от китайского рынка, а также запустила бы «региональный эффект домино», так как имела бы моментальные последствия для решений Токио. Этот тезис воспроизводит и сингапурская газета *Straits Times*, на страницах которой часто проглядывают оттенки, которые можно связать с Пекином.

Американские специалисты, однако, предупреждают, что продолжающееся перевооружение Японии, пусть и конвенциональное, несёт риск ослабления американских стратегических гарантий. Поскольку от Токио и Сеула просят взять на себя более значительную часть бремени обеспечения безопасности, что функционально для сдерживания Китая, выбор в пользу «скрытых намерений» не может сохраняться «беспредельно». В Европе и Великобритании, и Франция решили пользоваться своим ядерным суверенитетом при фактическом сотрудничестве, по крайней мере с 1970-х годов, и американское одобрение не воспринималось как что-то необходимое даже в случае Лондона.

Ноябрь 2022 г.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт,
примечания, биографический
справочник, библиография,
хронология, указатель периодических
изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Выборы в Бразилии

Утверждение нового
политического цикла

Мы публикуем статью наших бразильских товарищей из газеты *Intervenção Comunista*.

В результате выборов 2022 года утверждается новый политический цикл, который обрёл первоначальную форму в правом приспособленчестве 2018 года, однако его корни восходят к 1989 году, когда первые после окончания военной диктатуры прямые президентские выборы положили начало кризису политических форм бразильского государства. После выборов 1994 года в качестве основных политических сил буржуазных фракций на президентских выборах закрепились правоцентристская Бразильская социал-демократическая партия (БСДП) и левоцентристская Партия трудящихся (ПТ).

Кризис глобальных отношений, его влияние на сырьевой цикл и затем политико-юридический кризис, вызванный антикоррупционной операцией "Lava-Jato" ("Автомойка") 2014 года, имели неожиданные последствия: правый центр оказался ослаблен, а левый центр выстоял. Правоцентристский электорат переманила "болсонаристка" правая, а левоцентристский остался сконцентрирован вокруг "лулизма", особенно благодаря консенсусу о необходимости разыграть карту Лулы¹. Освобождение бывшего президента из заключения, назначенного ему Федеральным верховным судом, создало условия для того, чтобы бросить вызов капитану-авантюристу Болсонару, учитывая затруднения в поиске более центристского политического варианта, способного его победить.

Явная поляризация

156,4 млн человек, имеющих право голоса, вызвали на избирательные участки, чтобы они выбрали губернаторов, провинциальных депутатов, федеральный парламент, треть Сената, вице-президента и президента. В результате первого тура президентских выборов, наиболее ярких и поляризованных со времён восстановления буржуазной демократии, 91,6 % действительных голосов были отданы двум главным противостоящим друг другу тандемам: с одной стороны находились Луис Инасиу Лула да Силва (ПТ) и Жералду Алкмин (бывший губернатор Сан-Паулу, принадлежащий к более центристской Бразильской социалистической партии (БСП), отколовшейся от БСДП), а с другой – двое "военных", капитан Жаир Болсонару и генерал Уолтер Брага Нетту (оба из Либеральной партии (ЛП)). Кандидаты набрали соответственно 48,4 % и 43,2 % действительных голосов.

Лула и Болсонару набрали соответственно 57,3 млн голосов первый и 51,1 млн второй, а другие кандидаты – 9,9 млн. Во втором туре примерно треть от этих 10 млн отошла к Луле, а две трети – к Болсонару.

В конечном итоге Лула набрал 60,3 млн голосов, на 3,1 млн больше, чем в первом туре. Этот результат всего на 2,1 млн голосов перевешивает результат Болсонару; столь малая разница является новинкой с момента восстановления прямых выборов. Ныне действующий президент набрал во втором туре на 7,1 млн голосов больше, чем в первом, и это значит, что абсолютное большинство сторонников других девяти кандидатов, особенно занявшей третье место Симоны Тебет (Бразильское демократическое движение (БДД)) и занявшего четвёртое Сиро Гомеса (Де-

мократическая рабочая партия (ДРП)), переманил на свою сторону Болсонару.

"Лулистская" устойчивость
и укоренение "болсонаризма"

Похоже, способность нынешнего президента набрать большее количество голосов объясняется следующими элементами: во-первых, типичным использованием государственной машины – как пишет ежедневная газета *Valor Econômico*, за время электоральной кампании на социальные расходы были направлены порядка 68 млрд реалов; во-вторых, относительным улучшением экономической ситуации в сравнении с предыдущими месяцами; в-третьих, ролью евангелических церквей на окраинах городов.

Нельзя игнорировать роль евангелической партии, то есть церквей с сильным медийным влиянием (на телевидении, радио и в социальных сетях) и капиллярным присутствием на окраинах крупных мегаполисов. По словам антрополога Жулиану Спайера, «евангелическая церковь предлагает жителям окраин то, что не предоставляется государственными службами», действуя через «сети, которые охватывают церкви, и сети солидарности, созданные соседствующими верующими» ("Povo de Deus", 2020). За счёт этого проникновения и с ростом доли населения, провозглашающей себя евангелической, происходит значительный рост электорального влияния церквей, которые внедряются в буржуазную политику, иногда даже прямым образом через собственные партии – это кейс "Республиканцев", связанных со Всемирной церковью Царства Божьего (IURD), главным лидером которой является Эдир Маседу. Как IURD, так и Ассамблея Бога под руководством Силаса Малафайи, ранее поддерживавшие Лулу, сегодня на стороне Болсонару.

С одной стороны, бесспорно, Лула вернул голоса, потерянные Фернанду Хаддадом (ПТ) в 2018 году, и в большинстве штатов приблизился к результату, достигнутому Дилмой Русеф (ПТ) в 2014 году. Отрыв Русеф от конкурента тоже был очень незначительный и составил всего 3,5 млн голосов, обеспечив ей победу над Аэсиу Невисом (БСДП) – они набрали соответственно 51,6 и 48,4 % действительных голосов.

С другой стороны, очевидно относительное укрепление в сравнении с 2018 годом симпатий к Болсонару во всех регионах, в том числе на северо-востоке (С-В), учитывая, что во втором туре нынешний президент сумел сократить отставание от Лулы с порядка 13 до 12,6 млн голосов. Во всех штатах федерации Болсонару получил большую часть от 10,2 млн дополнительных голосов во втором туре, а в ряде северных штатов, таких как Акри, Амапа (где Лула победил в первом туре), Амазонас и Рорайма, Лула потерял голоса. Таким образом, подтвердилась тенденция к перетеканию голосов направо, проявившаяся уже в 2014 году.

Тем самым крайне правые высасывают голоса у правоцентристов, заполняя вакуум, оставленный ныне обезвоженной БСДП, а Болсонару выигрывает во всех штатах, где БСДП имела сильную поддержку, при этом добивается результатов, сравнимых с результатами Аэсиу Невиса в 2014 году.

Расхождение, проявившееся в 2006 году

Электоральный результат Лулы – Алкмине подтверждает тенденции, родившиеся в 2006 году; тандем теряет 4,2 млн голосов на юго-востоке (Ю-В), 4,2 млн на юге и 1,8 млн на центральном западе (ЦЗ); эти регионы были более всего подверже-

ны последствиям глобального кризиса и замедления экономики в последнее десятилетие. Правда, в отличие от других Ц-З познал период относительной *бонанзы*² в последние годы, отмеченные пандемией и ростом цен на продукты, что укрепило болсонаристский электорат.

На севере происходит эрозия в пользу выдвиженцев ПТ, начавшаяся на выборах 2018 года; в этом году пара Болсонару – Брага Нетту оторвалась от соперников более чем на 192 тыс. голосов; С-В, где отрыв в 12,6 млн голосов уже в пользу кандидатов ПТ-БСП, подтверждает свою роль бастиона "лулизма", хотя в количественном плане Ю-В предоставил Луле – Алкмину такое же число голосов (22,8 млн), как и С-В (22,5 млн). Вместе эти два региона концентрируют порядка 70 % всего электората Бразилии.

В 2010 году мы писали, что «социально-экономическая политика правительства Лулы» началась и укоренилась посредством «государственных инвестиций, [...] пересекаясь с интересами крупных групп, которые делали ставку на развитие внутреннего рынка»³. Укоренение лулизма на С-В произошло благодаря динамизму этого региона, который прозвали «бразильским Китаем» из-за темпов роста выше 10 % в год в 2000-е годы и сильной зависимости от потоков федеральных государственных расходов.

Наконец, расхождение, или электоральное разделение Бразилии на две части – С-В и часть севера голосуют в основном за левоцентристов; на юге, Ю-В и Ц-З и части севера большинство склоняется к правоцентристам – сегодня играет на руку болсонаризму, который наследует голоса и укореняется как правая электоральная политическая сила. Эта сила укрепляет своё присутствие благодаря тому, что Либеральной партии удалось заполучить места губернаторов в штатах Рио-де-Жанейро и Санта-Катарина, а также значительное парламентское присутствие в Палате депутатов (99 кресел) и Сенате (14 кресел).

Классовый абсентеизм и новые слои

В связи с яркой поляризацией произошло сокращение совокупного абсентеизма (неучастие в выборах + пустые и испорченные бланки) по итогам первого тура в сравнении с 2018 годом, а также беспрецедентное, пусть и незначительное, падение абсентеизма во втором туре по сравнению с первым со 123,7 до 124,2 млн избирателей. Аналогичное уве-

личение участия было зарегистрировано на американских выборах 2020 года по причине поляризации между Джо Байденом и Дональдом Трампом – уровень участия не был так высок с 1900 года.

Тем не менее подтверждается тенденция двух последних десятилетий: порядок четверти электората не ходит на выборы; так и в нынешнем году произошло незначительное падение участия по сравнению с выборами 2014 и 2018 годов. Абсентеизма придерживается значительная часть наёмных рабочих; подтверждением этого является тот факт, что порядка 45 % абсентеизма пришлось на регион Ю-В, особенно на крупные города вроде Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, где неучастие во втором туре составило порядка 26 %.

Динамика голосования за последние 20 лет указывает на социальные изменения, произошедшие за годы империалистического восхождения Бразилии: появление новых слоёв собственников, новых верхних слоёв пролетариата и новых фракций мелкой и средней буржуазии – вот феномен, который мы будем анализировать в дальнейшем.

В любом случае будущее нашего класса является неопределённым. Кризис порядка непременно затронет бразильский империализм и усилит трения и сражения между фракциями и политическими течениями буржуазии за приведение их интересов в соответствие с турбулентным мировым противостоянием. Нашему же классу необходим отказ от участия в буржуазной политике; инстинктивно, спонтанно четверть нашего класса или более уже отказывается от него. Поход к урнам для голосования не может предотвратить хаотическое будущее, кризисы и войны капитализма; выборы не меняют отношения между классами, самое большее лишь регистрируют изменения в интересах господствующего класса.

Только классовый интернационализм, а никак не иллюзорная электоральная пассивность, может объединить все слои пролетариата.

Ноябрь 2022 г.

1 – Болсонару между пандемией, картой Лулы и военными // Пролетарский интернационализм. 2021. Июнь. № 82.

2 – Bonanza – процветание.

3 – Решающая роль Северо-Востока в бразильских выборах // Бюллетень "Интернационалист". 2010. Декабрь. № 109 (перевод исправлен).

Десятилетие бурь

Новое правительство Мелони, как и ожидалось, выступило с охранительными и идентитарными темами и, прежде всего, подняло проблему миграции. Цинизм в отношении беженцев, в том числе женщин и детей, которых неделями удерживают в Средиземном море, свидетельствует о твердой борьбе с социальным феноменом, который с нами надолго. Стремление управлять миграцией – одновременно бесчеловечное и нереализуемое – в итоге вызвало кризис в отношениях с Парижем.

Это не исключает, однако, что в будущем “цепной пёс” на средиземноморском побережье может пригодиться *европейской империалистической политике в отношении иммиграции*.

Так или иначе, даже в Германии, пишет *Die Zeit* от 20 октября, политика иммиграционной открытости «*Wir schaffen das*» («Мы справимся с этим»), провозглашённая Ангелой Меркель в 2015 году, «сегодня была бы немыслима». Газета напоминает линию, заявленную в коалиционном соглашении “Светофор” (социал-демократы, либералы и “зелёные”): «*Человечность и порядок; не каждый, кто приезжает, может остаться*».

Прокси-война с иммигрантами

Немецкая газета замечает, что с тех пор Германия осуществляла политику сокрытия: «*Репрессивность и гнусность приписываются другим странам, таким как Марокко, Греция, Балканы, Турция*». Там «*при поддержке европейского охранного агентства Frontex*» случаются «*жестокое нарушение прав человека, например, опасные вытравливания прямо в открытое море*». Однако «*репутационные издержки падают, поскольку нарушения не всплывают на поверхность, [страна] даже становится образцом*». Что происходит на Балканах, не волнует немцев, так же как и то, что происходит в Ливии, не волнует итальянцев. С глаз долой – из сердца вон.

К этому добавляется лицемерное различие беженцев, которые бегут от войн, и так называемых “экономических” иммигрантов, хотя и они бегут от невыносимых условий жизни. Именно “экономическая” сторона предупреждает о стратегической проблеме, которую, похоже, не вполне принимают в расчёт.

Незаменимая рабочая сила

Иммигранты стали фундаментальной и незаменимой частью класса наёмных рабочих во всех развитых странах. Обратим внимание на некоторые данные по Италии, которые приводит исследовательский центр IDOS в своём “Статистическом досье – 2022”. В стране насчитывается 2.257.000 иностранных рабочих, что составляет 10 % от всего занятого населения; однако в ряде отраслей доля иностранцев выше: 15,3 % в гостиничном и ресторанном секторе, 15,5 % в строительстве, 18 % в сельском хозяйстве и вплоть до 64,2 % в сфере домашних услуг. Дело в том, что они подвергаются «*сегрегации по признаку занятости*» (которая неизбежно становится и сегрегацией по признаку заработ-

ной платы): приезжая, они занимают наименее квалифицированные рабочие места и впоследствии не могут их покинуть – намного чаще в Италии, чем в Германии и Франции; речь идёт о «*временной, опасной, плохо оплачиваемой, тяжёлой и социально недооцениваемой*» работе. Учитывая, что даже самые образованные иммигранты вынуждены заниматься нестабильным и неквалифицированным трудом, происходит самая настоящая «*brain waste*» (“пустая трата мозгов”).

И последняя заметка из доклада IDOS. Мало того, что 70 % занятых в сфере домашних услуг – это иностранцы, так ещё эта работа «*не нравится молодым*»: лишь 7 % занятых младше 30 лет, зато целых 35 % старше 55. Получается, за нашими “стариками” присматривают как раз престарелые иностранцы – пусть об этом задумаются те, кто хочет «*защитить границы*». Без нового притока иммигрантов любых возрастов сфера необходимого семейного ухода столкнётся с трудностями.

Сокращающийся поток иностранных рабочих

Эта заметка подводит к нас к новой проблеме, возникшей в последние годы: число иностранных рабочих падает. В 2021 году их было на 5,2 % меньше, чем в 2019-м, предшествовавшем пандемии. Очевидно, эпидемия выгнала часть иммигрантов, потерявших работу: они уехали в родные страны и теперь не хотят или не могут вернуться.

К этому добавляется фактор бюрократии, не способной осознать неотложность проблемы. Годовой доклад Фонда Леоне Моресса отмечает, что закон об ограничении максимально числа въезжающих в страну иностранных рабочих (“*Decreto flussi*”) страдает, помимо прочего, временным рассинхронизмом. К примеру, для сельского хозяйства требуется 100 тыс. иностранцев с марта, однако приехали всего 10–15 тыс., к тому же, уже в разгар сезона, по причине бюрократических проволочек (*la Repubblica*, 25.10.2022).

В этом плане бюрократия – не чисто итальянская проблема. В Германии *Handelsblatt* от 27 сентября разоблачает препятствия, вызванные обязанностью иммигранта доказать соответствие образования должности и эквивалентность документа об образовании немецкому диплому – речь идёт о квалифицированных рабочих, но и они сталкиваются с трудностями.

Эти неурядицы усиливают дефицит рабочей силы во всей Европе. *Euractiv* (14.09.2022) пишет о порядка 6 млн вакантных мест в ЕС, что эквивалентно 3 % от 193 млн экономически активного населения: во Франции половина предприятий ищет работников, и почти все испытывают с этим трудности; в Германии 87 % семейных предприятий ощущают нехватку кадров; в Австрии насчитывается 250 тыс. вакансий; в Польше не хватает строителей; в Румынии, Болгарии и Албании не хватает квалифицированных рабочих, поскольку они эмигрировали, и так далее. Можем добавить, что в Испании имеется 62 тыс. незанятых рабочих мест в строительстве, так что *El País*

Олаф Шольц в Китае. Поездка немецкого канцлера была отнюдь не обычным, а крупным политическим действием. Он показал, что не разделяет американские требования изоляции Пекина, зато поддерживает линию Китая на глобальную стабильность, обращённую к Индии, Бразилии, Юго-Восточной Азии и новым державам Африки и проводимую под знаменем *инклюзивной глобализации*. Даже Джо Байден был вынужден принять это в расчёт; встреча с Си Цзиньпином на саммите Большой двадцатки на Бали обозначила некоторую разрядку. То же произошло и на границах Украины, когда снаряд попал на территорию Польши: несмотря на протесты Киева, Вашингтон сразу же навязал тезис, что это был несчастный случай, связанный с работой украинских противоракетных систем. Это знак того, что Вашингтон и Москва хотят, чтобы война на Украине была *ограниченным конфликтом*, и предотвращают открытое столкновение России и НАТО.

Несмотря на минутное прояснение, будущее по-прежнему затянато тучами. Для США двадцатые годы станут «*решающим десятилетием*» в противостоянии с Китаем. Адмиралы требуют больше финансирования для американского флота: они заявляют, что *грядущее пятилетие* станет окном возможностей для атаки Пекина на Тайвань. Конгресс принял “*Chips Act*” и другие законы, призванные стимулировать американскую промышленность и лишить Китай новых технологий, начиная с полупроводников нового поколения, чтобы замедлить его восхождение. Говорят, что в будущем об этом вспомнят как о первом выстреле в *экономической войне* между Америкой и Поднебесной; Пекин считает, что Вашингтон поджёт «*длинный фитиль*» взрывного конфликта.

Со своей стороны Китай продолжает двойное восхождение – экономическое и военно-политическое. Он представляет себя в качестве нового гаранта развития новых неприсоединившихся стран, противопоставляя себя спотыкающемуся Вашингтону. Одновременно он не приостанавливает планы перевооружения; в *решающем десятилетии* Пекин увеличит количество авианосцев с трёх до шести с соответствующими ударными группами (АУГ), благодаря чему вдвое сократит отставание от США. Реальность такова: *спирали разрядки* – всего лишь *бабье лето*, барометр по-прежнему показывает бурю. Коммунистическое и интернационалистическое сражение становится ещё более неотложным, чем когда-либо.

призывает: «*Больше иностранных рабочих*» (02.11.2022).

Меньше идеологии и больше зарплаты

В Италии ощущается хроническая нехватка медсестёр, особенно в больницах. В некоторых регионах появились специализированные агентства, рекрутирующие их за границей, поскольку иначе многие медицинские кабинеты окажутся закрыты. Например, в Венето агентства просят 1.500–2.000 евро за каждого нанятого в Южной Америке. *Corriere del Veneto* от 31 октября даёт такое объяснение: пару лет назад можно было “порыбачить” в Албании и других странах Восточной Европы, однако этот источник иссяк. «*Причина проста: Австрия, Германия и некоторые страны Северной Европы проглотили их* [иммигрантов] *благодаря тому, что предлагали самые роскошные зарплаты*». Поэтому сегодня приходится смотреть в сторону Южной Америки и Северной Африки.

Предприятия и правительства должны будут считаться с новым фактом – конкуренцией за то, чтобы “завладеть” иммигрантами. Вместо того, чтобы тратить слова на совранные требования – будь то национальные или европейские, – разумнее будет тратить деньги на повышение зарплат.

С этой точки зрения, сражение за перераспределение мигрантов внутри

ЕС становится анахронизмом – более вероятно сражение за их привлечение.

Два класса – две цели

Европейская комиссия продвигает идею долгосрочного вида на жительство в ЕС для жителей третьих стран: на данный момент из 23 млн неграждан ЕС, проживающих в союзе, 10 млн имеют долгосрочный ВНЖ, однако всего у 3 млн он европейский, в то время как у 7 млн – национальный. Европейский ВНЖ позволил бы иммигранту более свободно перемещаться внутри ЕС. Это стало бы следующим шагом вперёд в формировании *европейского рабочего*, но также и фактором обострения конкуренции между предприятиями и государствами.

Есть два противоположных взгляда на феномен миграции. Европейская империалистическая политика уже давно ставит в качестве цели «*обучение, подчинение и кооптацию возрастающей доли иммигрантской рабочей силы*»¹: конкуренция в этой сфере призвана выбрать самое лучшее, что позволит увеличить прибыли.

Интернационалистическая политика коммунистов, напротив, рассматривает всех иммигрантов как тех, кто укрепит позиции рабочих в борьбе классов.

Ноябрь 2022 г.

1 – Долгий цикл либеристского европеизма // Бюллетень “Интернационалист”. 2002. Июль. № 9 (перевод исправлен).

Интеллигенты

Ху Яобан

По мнению Хань Суиня, 1985 год продемонстрировал противоречия «реформ». Именно в 1985 году происходит первый «студенческий взрыв» национального масштаба, вызванный крупным коррупционным делом в Хайнэне, новой «специальной экономической зоне» (СЭЗ) возле Гуандуна, открытой для торговли японскими машинами. СЭЗ моментально обвинены в компромиссе с другими державами: «японцы экономически преуспевают там, где не преуспели военным путём», – но Хань Суинь описывает ситуацию с разных сторон.

Преподаватели побуждают студентов выходить на улицы, в том числе против городской инфляции, которая сокращает их зарплаты, выплачиваемые из государственного бюджета. Работа в образовании приносит гроши, в то время как новые *geti*, южные предприниматели, зазывают толпы в свои ресторанчики и пользуются опытом, полученным в годы «культурной революции», когда они были заключены за решётку в «лагеря перевоспитания, где обучились контрабанде и изворотливости». «Афера Тойота» становится символом коррупции на Юге, который делает деньги, символом новых «японцев».

К тому же в 1984 году Дэн Сяопин обрушился на систему государственных расходов – в его понимании, она представляла собой «большой горшок, откуда все черпают, но не заботятся о том, чтобы его наполнить». Фермеры понимают, что субсидии на злаковые их не обогатят, и предпочитают выращивать более доходные культуры; в такой ситуации государственная промышленность осознаёт, что должна будет бороться с убытками собственными силами. В начале 1986 года противостояние вокруг «реформ и открытости» обостряется. Секретарь КПК Ху Яобан обвинён в политическом попустительстве «буржуазной либерализации», на что отвечает констатацией: «Реформы произвели определённую неразбериху».

Осколки 1956-го

«Духовное загрязнение» началось в университетах, где преподавали люди, потерпевшие поражение в «кампании ста цветов» в 50-е годы. В 1956 году Мао говорил: чтобы вырвать сорняки, нужно сначала дать им вырасти – и позволил интеллигенции говорить. Уже в тот момент Политбюро было разделено неравномерным развитием и дискутировало о том, в каком направлении действовать, прибегая к парадоксальным идеологическим формам.

Астрофизик Фан Личжи, на тот момент юный физик из Пекинского университета, был исключён из партии и переведён в Университет науки и технологии Хэфэя (провинция Аньхой). В годы «культурной революции» он был вовлечён в ссоры между преподавателями в Шанхае и Нанкине по поводу «релятивистской теории»: даже космические частицы включались в идеологические концепции, и связь подобных зигзагов с экономическими силами яв-

ляется настолько отдалённой и сложной для демонстрации, что мы можем этим пренебречь, как говорил Энгельс. В итоге Фан был восстановлен в партии и в 1980 году принят в Академию наук. Дэн говорит, что интеллигенция – это «трудящиеся» и потому могут входить в партию: они служат научной модернизации (Fang Lizhi, *“The Most Wanted Man in China”*, 2016).

Фан устанавливает связи с иностранными учёными; в 1985 году он приглашает в Китай Стивена Хокинга. Вместе с Сю Ляньином, переводчиком трудов Альберта Эйнштейна, и писателем Лю Биньянем они собирают старых товарищей из «ста цветов» и призывают к дебатам о «демократии». Дэн обвиняет их в разжигании студенческих манифестаций 1986 года, происходящих в 17 городах: «Мы должны наказать тех, кто подначивал студентов, а иначе будет невозможно положить конец выступлениям. Мы не должны копировать буржуазную демократию; введение системы трёх независимых властей [...] означало бы свергнуть страну в хаос, не осталось бы ничего, что бы держало вместе миллиард человек».

Политическая литература

Вместе с исключением интеллигентов падёт и Ху Яобан. Однако сперва проследим немного за Фан Личжи, поскольку, по словам Хань Суиня, он и его жена окажутся среди организаторов студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году (*“Le vent dans la roche”*, 1991).

Наряду с Фаном исключены Лю Биньянь и Ван Жован, тоже старые знакомые по «сотне цветов». Лю написал «Между людьми и демонами» (1979) – репортаж, в котором разоблачал социальные и политические условия коррупции в Хэйлуцзяне. Ван написал «Историю одного котла» (1962) против «Большого скачка», чем вызвал гнев Кэ Цинши, «пятого человека» в «банде четырёх». В 1980 году он пишет «Трилогию голода» (*“Hunger Trilogy”*, 1991) о тюрьмах Гоминьдана, войне с Японией и тюрьмах КПК в Шанхае, где он сидел во время «культурной революции».

Хань Дун, автор книги «Пустить корни» (2003), пишет о судьбе его семьи в году «культурной революции»: «Крупнейшая ошибка, которую допускает Запад в исследовании Китая, касается политики и заикленности на факте существования или отсутствия оппозиции, восстания против нынешней политической системы. Если придерживаться такого взгляда, невозможно понять, в чём заключается действительная ценность современной китайской литературы».

В 1978 году образовалось движение «тёмных поэтов», которое размышляло о замедлении «культурной революции»; в него входил Вэй Цзиншэн, сторонник китайской «пятой модернизации», то есть модернизации политической. «Литература шрамов» рассказывала о страданиях «культурной революции», а «репортаж» концентрировался на социальных проблемах

города, «где существуют реальные контрасты современного общества» (Noël Dutrait, *“Leggere la Cina”*, 2005).

Парадоксальные идеологические формы

По мнению Чжао Цзыяна, Ху Яобан подбивал этих интеллигентов поднимать чувствительные вопросы. По словам Хань Суиня, Ху был «обезоруживающе прямолинеен», что является проблемой «в стране, где любое сказанное “руководителями” слово является священным законом». Ли Хун Чой пишет, что Ху Яобан был «эксцентричным», «идеальным хунаньцем, который любит говорить то, что думает». На самом деле, если в 1985 году контррады «реформ и открытости» одеваются в идеологии и используют студентов, в 1986 году Ху обвиняется реформаторами в том, что он ставит под угрозу реформы, а консерваторами в том, что заводит их слишком далеко.

Профессура, выступающая против инфляции, хочет и демократии, однако в Шанхае манифестации проходят против Гуанчжоу. Шанхай реализует треть китайского экспорта, но получает во владение лишь четверть получаемой им иностранной валюты, остальные три четверти отдаёт государству. В то же время СЭЗ Юга имеют право забирать себе 80 % валюты. Выступления в Шанхае, пишет Хань Суинь, были против реформ на Юге, но за реформы на Востоке. Цзян Цзэминь, на тот момент секретарь провинции, их подавляет, чтобы предотвратить вовлечение в них рабочих, как это было в 1967 году, и чтобы обеспечить реформистскую надёжность города против радикальной традиции.

Нападки на «буржуазную либерализацию» выглядят как атаки на «политические реформы», совершившиеся в умах политических течений, но в сущности ударяют по «экономическим реформам», влекущим неравномерные последствия для социальной структуры. Дэн и Чжао становятся проводниками этих атак, чтобы самим не оказаться их жертвами и не отдать их в руки противников.

Ху Яобан – чересчур японец?

4 января 1987 года Дэн Сяопин показывает Чжао Цзыяну, Чэнь Юню, Вань Ли, Ян Шанкуню, Бо Ибо, Ван Чжэню и Пэн Чжэню прошение об отставке Ху Яобана. Решено, что Чжао Цзыян, Бо Ибо, Ян Шанкунь и Вань Ли будут возглавлять Постоянный комитет Политбюро до XIII съезда. По словам Чжао, Дэн решил отстранить Ху ещё в Бэйдайхэ летом 1986 года, основываясь на трёх соображениях (*“Prisoner of the State”*, 2009).

Во-первых, «Яобан вёл личную переписку с японским премьером Накасонэ». Дэн считал, что Ху был недостаточно осторожен во внешней политике и имел слишком тесные связи с Японией, которая после соглашения «Плаза» усилила экспорт капиталов в Китай, вызвав беспокойство Чэнь Юня.

Во-вторых, Ху Яобан забыл, что нужно «сперва подумать, а потом го-

ворить», когда в 1985 году позволил взять у себя интервью Лу Кену, журналисту из Гонконга. Вопрос: «Почему Вы не возглавите Центральную военную комиссию, пока старый Дэн ещё жив? Если Вы это не сделаете, тогда каким образом вы поступите, ополчись на вас в будущем военные командиры? Вы сумеете удержать ситуацию под контролем?» Ответ: «Цзыян и я занимаемся экономическими вопросами и делами партии. Армия – это место обитания стариков, так что, пока мы не воюем, оставим эту должность Сяопину».

В-третьих, в своих делах с интеллигенцией Ху Яобан содействовал значительному «равновесию властей» в рамках китайской системы и напрямую избранию кандидатов в Политбюро. Это наводило на мысль, что Ху бросал вызов власти Дэна и проводил «личную дипломатию». К тому же он открыто обсуждал политические реформы «без разрешения Центрального комитета».

На XIII съезде 1987 года Дэн, по выражению Чжао Цзыяна, остаётся «единственной тещей».

Дэн Сяопин и государство

На съезде Дэн приказывает Чжао отбросить любые сравнения с «разделением властей на три ветви»: «Не должно быть ни одного сходства, [...] ни одного следа, [...] разделение властей на три ветви означает, что они ограничивают друг друга, [...] такая система неэффективна, при ней невозможно добиться того, чтобы дела делались». Чжао вспоминает «культурную революцию» и утверждает: «Больше никогда не должны позволить сформироваться чему-то вроде “большой демократии”, которая угрожает правовому государству и социальной стабильности» (R. Baum, *“Burying Mao”*, 1994).

Дэн говорит: «В стране, настолько большой и населённой, как наша, где уровень развития различается от региона к региону, условия не позволяют пока что [курсив наш. – Прим. ред.] устраивать прямые всеобщие выборы высших эшелонов власти государства» (Alain Peyrefitte, *“La tragédie chinoise”*, 1990).

В 80-е годы китайский плюрализм снова должен свести счёты с вопросом демократии, наилучшей оболочкой буржуазной диктатуры. Чжао Цзыян исключает многопартийность, разделение властей и выборы «на время» модернизации по причине её турбулентной природы. Однако замечает: «Разные группы людей имеют разные интересы и мнения. Социалистическое общество не является монолитным; частными интересами нельзя пренебрегать. Конфликты интересов должны быть примирены». Его размышления о политическом выражении буржуазного плюрализма, основывающиеся на концепциях «консультации и надзора», внезапно прерываются паникой 1988 года. А затем будут заморожены драматическими событиями на площади Тяньаньмэнь.

“Немецкая партия” уравнивает “японскую партию”

По мнению Гельмута Шмидта, выступления китайских студентов 1986 года являлись «сигналом всеобщего стремления к плюрализму». «Та же самая потребность, – писал он в книге 1987 года *“Menschen und Mächte”*, – непременно вернётся с ходом экономической реформы». Бывший канцлер Германии постоянно уделял внимание Китаю. Он отмечал, что в 1980-х годах «предоставление права принятия решений в экономической сфере местным и региональным властям» и даже формирование «своего рода свободного рынка в зародыше» в конечном итоге привели к появлению соответствующих политических выражений, что выразилось, например, в «раскрепощении интеллектуальной сферы в университетах».

Такую интерпретацию студенческих выступлений можно найти, среди прочего, в дневнике Ли Пэна, премьер-министра времён протестов на площади Тяньаньмэнь: в процессе неравномерного развития «реформ и открытости» экономический плюрализм искал выражения в политических течениях одной партии, и они использовали студентов в своей борьбе. Около «тридцати лет внутренней борьбы», пишет Шмидт, прошло с тех пор, как разрыв с Москвой (после кампании “Ста цветов”) подтолкнул Китай к «автаркии»; а вместе с открытием страны усилилось влияние международных факторов на “внутреннюю” политическую борьбу.

“Западный скачок”

В первые два года открытия почти две трети иностранных контрактов на строительство новых промышленных объектов в Китае приходилось на Японию, а пятая часть – на Германию: «китайская лихорадка» японского бизнеса спровоцировала “Западный скачок вперёд”, инициированный Хуа Гофэном и подразумевающий строительство крупных сталелитейных заводов, электростанций, нефтяных и угольных заводов. Старик Чэнь Юнь не очень одобрял всё это и хотел держать иностранный капитал «в клетке». В марте 1980 года он опубликовал отчёт, в котором утверждалось, что необходимо изучать немецкую и американскую системы, поскольку в них используется как старая, так и новая техника, в то время как Япония использует только передовые технологии, а её проекты в Китае обходятся слишком дорого и подпитывают инфляцию¹.

После отставки Хуа Гофэна в 1981 году начала обсуждаться «перенастройка». Дэн Сяопин предложил Ху Яобану восстановить связи с Японией. Однако в период с 1983 по 1985 год драйверами второго этапа политики реформ и открытости стали контракты с немецкими компаниями. В 1984 году премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ предоставил Китаю крупный кредит для возобновления отменённых или приостановленных проектов. Шмидт утверждает, что поддерживал открытость Германии по отношению к Китаю с 1970-х годов. Во время визита в Бонн в 1979 году Хуа Гофэн выразил желание «учиться на ваших передовых технологиях». Таким образом, “Западный скачок” мог быть японским или американским, но также и немецким. И это была территория, на которой Германия могла до-

биться политического веса, адекватного её экономической мощи.

Интернационализация Китая

Бывший канцлер Германии встретился с Чжао Цзяном в сентябре 1984 года. Премьер-министр Китая объяснил ему, что реформы, начатые в сельском хозяйстве в 1979 году, должны были распространиться на городскую промышленность одновременно с роспуском коммун: «То, что мы предлагаем, – это социализм с типично китайской спецификой, так что различным производителям будет предоставлена большая автономия в принятии решений». Премьеры обсудили управленческие проблемы, которые должны были возникнуть на фабриках, и согласились друг с другом в том, что придётся столкнуться с бюрократическим сопротивлением в государстве и партии.

Затем Шмидт поинтересовался реформой «системы цен» и функционированием китайского центрального банка, созданного в 1983 году, и предупредил, что с открытием «вы подвергнетесь [влиянию] мировых тенденций». Чжао отвечал на это, что «мы хотим избежать ошибок, которые совершили многие развивающиеся страны», и продемонстрировал, что «очень хорошо осведомлён» о долговой проблеме Латинской Америки. Шмидт пишет, что, «хотя его видение экономики и созрело в границах Китая, Чжао с поразительной остротой умел схватывать [...] взаимосвязи международных экономических отношений».

По мнению Шмидта, препятствий на пути реформ было много, в том числе «субъективных»: «огромная разница в уровне жизни и производительности внутри самой национальной территории» между китайскими регионами; отсутствие «органической системы социального обеспечения»; «стабильность цен, [...] самый чувствительный момент»; ортодоксальность аппаратов всех уровней, «наверняка сохранившаяся в части армии». Всё это выглядело как оферта о помощи, которую Германия предлагала в процессе модернизации.

Японский гость

Вскоре после этого Шмидт встретился с Дэн Сяопином: интересно ещё раз посмотреть, какими мнениями обменивались тогда эти “люди власти”. Дэн утверждал, что Китаю и Германии следовало сильнее отдалиться от сверхдержав, а Европе – стремиться к отношениям «абсолютного паритета» с Соединёнными Штатами в рамках Североатлантического договора. Что касается Китая, то Дэн заявлял, что в 1979 году его страна преподала Вьетнаму «урок», тем самым восстановив баланс своих отношений с СССР, и что его отношения с Японией будут хорошими, пока Токио не попытается «превратить [свою] экономическую мощь в военно-политическую». Шмидт возразил, что в принципе была бы логична большая оборонительная автономия Японии, на что Дэн отвечал, что «если бы Япония приобрела больший политический вес в мире, это было бы хорошо для нас, но не забывайте, что уже сегодня она фактически развила огромную экономическую и финансовую

мощь». Шмидт отметил, что в Китае ещё сильна «травма японской оккупации». После нескольких отступлений обсуждение вернулось к реформам.

По словам Шмидта, знания Чжао были исключительными для Китая. Дэн подчеркнул важность молодёжи: «Более десяти тысяч учатся в США и около десяти тысяч – в Германии». Шмидт продолжил настаивать на «риске инфляционного кризиса» в Китае, но ответ Дэна показался ему оптимистичным; вместе с тем Дэн признал, что его «познания в этом вопросе весьма скромны». Это свидетельствует о том, что роль «интеллектуального вдохновителя политики экономических реформ» Дэн оставил за Чжао. При этом в воспоминаниях Шмидта никогда не появляется Чэнь Юнь.

Провинции в международных течениях

В октябре 1984 года Volkswagen подписала соглашение о создании совместного предприятия с Shanghai Auto в присутствии Чжао Цзяна и канцлера Гельмута Коля. Германия вовремя обошла французскую PSA, завязанную на Ухань, и Шанхай сократил отставание от особых экономических зон Гуандуна. Год спустя под влиянием соглашения “Плаза” открытие Китая совпало с ревалюацией иены и новой волной японских инвестиций.

Роберто Казелла в 1996 году видел в этих движениях «неразрывную связь внутренних и международных факторов», которая изменяла соотношение сил между китайскими провинциями. Он пишет, что «формирование нового баланса региональных сил беспокоит Пекин, политический центр тяжести эксцентричных экономических сил»². На протяжении всех 1980-х годов дельта Жемчужной реки, в сердце которой лежат Кантон и Шэньчжэнь, и дельта Янцзы, на которой стоит Шанхай, конкурировали за привлечение иностранных капиталов и капиталов китайских диаспор. Но Шанхай по-прежнему распылялся за последствия того, что в своё время возглавил «культурную революцию». Он вернул свою важную роль только в 1990-х годах, выйдя победителем из кризиса на площади Тяньаньмэнь. После этого Цзян Цзэминь заменил Чжао Цзяна.

Процесс «реформ и открытости» привёл к разбалансировке отношений между «пятью озёрами и четырьмя морями» Средней империи. Теория “клетки” Чэнь Юня в этом контексте приобретает двойной смысл – перебалансировки между провинциями и между международными течениями, проходящими через них. “Путешествие на юг” Дэна, предпринятое им в 1992 году, подтвердит, как мы увидим, новый баланс между Шанхаем и Гуанчжоу.

Предупреждение Шмидта об инфляции

Германия и Япония, две старые побеждённые державы, инициировавшие новое противостояние 1980-х годов, тем временем продолжили преследовать друг друга в театре китайских теней. Ху Яобан, подозреваемый в «чрезмерной японскости», был свергнут в январе 1987 года и заменён Чжао Цзяном. Сразу же после это-

го посол Китая в Бонне Го Фэнминь предложил Карлу Шиллеру – бывшему министру экономики и финансов Германии, учеником которого был Шмидт, – должность советника Пекина по экономическим реформам (*La Stampa*, 18.01.1987).

Приток международного капитала способствовал перегреву экономики прибрежных провинций и вызвал споры между Чжао и Чэнь Юнем по поводу контроля над ценами. В книге 2006 года *“Nachbar China”* Шмидт вспоминал своё последнее интервью с Дэном в мае 1990 года и отстаивал немецкую модель независимой монетарной власти. В *“Weggefährten. Erinnerungen und Reflexionen”* 1996 года он вспоминал, что говорил об этом с Чжао в 1984 году.

Постоянное внимание Шмидта к этому аспекту объясняется инфляционным взрывом 1988 года, который станет одной из предпосылок кризиса на площади Тяньаньмэнь. Шмидт писал, что Чжао ясно видел опасность инфляции и был «поражён» своей отставкой в 1989 году. По словам Шмидта, «большая разница между Дэном и Чжао заключалась в том, что последний хотел провести экономические и политические реформы одновременно, тогда как безошибочно чутьё Дэна подсказывало ему, что это приведёт к хаосу. И в начале 1990-х годов оценку Дэна подтвердил Горбачёв».

От Соглашения “Плаза” до событий на площади Тяньаньмэнь

Кризис политики «реформ и открытости» представлял собой многогранную комбинацию. Студенты требовали демократии и выступали против инфляции и коррупции в партии, возобновляя битву 1980-х годов с так называемыми «японцами» юга – предпринимателями, обогатившимися на реформах, спекулируя иностранным капиталом. В июне 1989 года Арриго Черветто писал: «Иза своих территориальных и демографических масштабов, а также борьбы различных держав на его территории Китай прошёл через тяжёлый и отчасти незавершённый процесс государственного объединения», – и считал, что в тогдешнем Китае «вихревое развитие вновь вызывает проблемы государственного единства»³. Внешние влияния и дисбаланс между экономическими и политическими реформами увеличивали различия между провинциями.

В период с 1985 по 1989 год прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Китай почти утроились. В 1985 году Шанхай получал одну шестую часть объёма ПИИ, направленного в провинцию Гуандун; в 1987 году – четверть, а в 1989 году – почти треть. Существует международная нить, которая проходит через Бонн и Токио и ведёт к площади Тяньаньмэнь.

Март 2020 г.

1 – Kokubun R. The Politics of Foreign Economic Policy-Making in China: The Case of Plant Cancellations with Japan // The China Quarterly. No. 105 (Mar., 1986). P. 24.

2 – Casella R. Shanghai, testa del dragone // Giganti dell’Asia. Milano: Lotta comunista, 2005.

3 – Черветто А. Гроза над Пекином // Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 485.

Паника 1988 года

“Реформы и открытость” вызвали к жизни новые течения внутри Китая. В период с 1978 по 1988 год городское население увеличилось со 172 до 287 млн человек, то есть его доля в совокупном населении выросла с 18 до 26 % (по официальным данным, пересмотренным после 1990 года). Валовой внутренний продукт в постоянных ценах увеличился более чем вдвое. «Жёлтый гигант подключился к азиатскому циклу развития, открыв свои границы, – писал Арриго Черветто в январе 1989 года, – но ценой сильных социальных и региональных потрясений, а также нарушения баланса в политической структуре. В то время как Юг втянут в головокружительный процесс азиатского развития, Север Китая большей частью испытывает притяжение восточных регионов СССР»¹.

Китай переживал ужасную инфляционную лихорадку, которая неизбежно должна была повысить и политическую температуру. Неравномерный перегрев экономики вновь вскрыл старые разногласия между Севером и Югом, а также вызвал новые разногласия между буржуазными фракциями.

В период с 1978 по 1982 год аграрная реформа коммун и инвестиционный бум довели инфляцию до 7,5 %, которую удалось взять под контроль в 1981 году с помощью первого сжатия цен, кредита и торговли. Вторая волна (между 1984 и 1986 годами) была вызвана введением «системы двойных цен», призванной смягчить внутренние дисбалансы стремительного процесса расширенного накопления. Инфляция достигла 17 %, а затем снова была совершена «мягкая посадка». В период с 1986 по 1989 год кредит увеличивался на 30 % в год, а инфляция достигла 18,5 %. Юг привлёк огромные денежные массы, которые старый кредитный план больше не в состоянии был контролировать, так как южные провинции обходили квоты, спускаемые центральным банком (Bell S., Hui Feng, “The Rise of the People’s Bank of China”, 2013). Чжао Цзяян пытался вновь предложить линию постепенного замедления, которая бы не навредила развитию прибрежных регионов, но натолкнулся на мощное сопротивление.

Линия развития прибрежных регионов

В январе 1988 года Чжао выступил за «стратегию развития прибрежных регионов», чётко обозначив (даже в географическом плане) внутреннюю сторону своей международной стратегии. Давайте посмотрим, как он изложил эту стратегию и её последствия в дневниках, опубликованных его сыном и личным секретарём Бао Туном в книге (с предисловием Родерика Макфаркуара) 2009 года “Prisoner of the State”.

Чжао начал с оценки последствий кризиса реструктуризации, разразившегося на мировом рынке в 1970-х годах: «Некоторые развитые страны переориентировали своё производство на более высокую интенсивность капитала, технологий или знаний, что открывает возможности для развивающихся рынков». Интенсивное инвестирование метрополий сопровождалось расширением международного разделения труда, то есть увеличением прибавочной стоимости. Чжао делал вывод, что «наши прибрежные регионы имеют все условия для воспроизведения пути азиатских тигров», что означало вывод «100–200 миллионов» китайцев на мировой рынок,

импорт машин и сырья и экспорт готовой продукции.

Это была линия на включение прибрежных провинций в мировой либералистский цикл, но в Китае она столкнулась с проблемой «перегрева», то есть с сопротивлением различных фракций, поскольку ставила под удар всю экономику, включая мощный государственный сектор, который Чжао хотел модернизировать.

Относительный перегрев

Развитие прибрежных регионов перегревает китайскую экономику и увеличивает их разрыв с внутренними и северными провинциями. Чжао возражал: «Так называемый перегрев был вызван не просто слишком медленным или слишком быстрым темпом развития, а темпом, превышающим тот, который мог быть абсорбирован. Проблема в основном заключалась в чрезмерных инвестициях (точнее, в доходности инвестиций), или в инвестициях, которые имели малую отдачу. Кроме того, фонды потребления были огромны, что создавало избыточное денежное обращение». Чжао считал, что «прибрежные регионы могут работать без перегрева, но, пытаясь уменьшить проблему в национальном масштабе, мы также ограничили развитие прибрежных регионов, упустив возможности: и так продолжалось годами». На самом деле, продолжал Чжао, стратегия развития прибрежных регионов – это выход из состояния перегрева.

Запертые в китайской оболочке реформы вели к перегреву, разнервничавшись же на мировом рынке, они нашли выход в длительной либералистской экспансии 80-х годов. Интересно, что Чжао далее подчёркивает, что позиция старика Чэнь Юня отличается от позиции «торгмозильщиков» – премьера Ли Пэна и его заместителя Яо Илина. «Я понимаю его опасения», – писал Чжао о Чэне: если бы Китай не мог экспортировать готовую продукцию, как бы он сбалансировал свой текущий счёт? По сути, возникала другая проблема – неэффективности китайской промышленности, привыкшей десятилетиями работать на внутренний рынок. Иными словами, Чжао и Чэнь выдвинули два варианта реформистской линии крупного государственного капитала. Проследим далее за этими дебатами среди экономистов на самом высоком уровне молодой китайской державы.

Напряжённость в “клетке”

Чжао Цзяян утверждал, что новые компании Юга, орошённые иностранным капиталом, способны выйти на мировой рынок, и это подвергло «железную катушку»² прежнего государственно-капиталистического порядка колоссальному давлению. Чэнь Юнь защищал, как мы видели, единство китайского рынка, подверженного напряжённости этого неравномерного развития. Затем Чжао делает следующий прогноз: «Начав экспортить трудовую продукцию, мы накопили бы капитал и технологии и таким образом смогли бы конкурировать на международном уровне в области капиталоемкой продукции. Но это вопрос будущего». Это двадцатилетняя перспектива развития внутреннего рынка. Между тем возник другой тип возражений. Центральные и западные провинции выступили против увеличения разрыва с побережьем и ограничили поставки сырья по контролируемым ценам.

ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРОТЕХНИК

На XIII-м съезде КПК, прошедшем в 1987 году, Ли Пэн вошёл в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в качестве премьера Госсовета КНР. Несколько источников указывают на то, что он вошёл в число высших руководителей по квоте Чэнь Юня. Хань Сунин на мгновение принял «западный» образ мышления, который Ли Пэн желал видеть у «консерваторов», противостоящих «реформистам», но сразу же заявил: «В этих двух областях экономисты не согласны друг с другом». Ли Хун Чой сообщает следующую новость: в августе 1988 года Дэн Сяопин потерял большинство на пленуме ЦК КПК и был вынужден принять передачу экономических полномочий от генсека партии Чжао Цзяяна в пользу Ли Пэна.

Ли Пэн родился в 1928 году в Шанхае, но его семья происходила из города Чэнду. Во время гражданской войны его отец был убит членами Гоминьдана, и Ли вместе с другими сиротами революции был взят под опеку Чжоу Эньлаем. Ли Пэн изучал гидроэнергетику в Москве, а затем работал в государственном аппарате, управляющем энергетическим сектором, пока не стал китайским «электрическим царём», а позже отцом платины “Три ущелья”. В 1979 году он стал заместителем министра энергетической промышленности КНР и главой управления электроэнергетики северного Китая, в 1982 году вошёл в состав ЦК КПК, в 1985-ом – в Политбюро ЦК КПК, затем стал членом Постоянного комитета ЦК КПК, был повторно утверждён на этой должности в 1992 году (после кризиса на площади Тяньаньмэнь).

Эти провинции, «занимающиеся планированием и макроэкономикой», защищали традицию централизованного плана, от которого они исторически зависели в плане трансфертов и от которого, с другой стороны, всё больше уходили прибрежные провинции. Конфликт между центром и китайскими провинциями являлся также и конфликтом между провинциями. Внутренние регионы претендовали на свою долю и при помощи «сырьевых войн» вызвали взрыв «ценового вопроса».

Мертворождённая “шоковая терапия”

Весной 1988 года Дэн Сяопин призвал к решительной реформе «двойной системы ценообразования», состоящей из государственных квот по регулируемым ценам и системы рыночных цен. Дэн тогда считал, что «быстрая сильная боль лучше продолжительной». По словам Чжао, главной целью Дэна было сокращение государственных расходов, направляемых на субсидирование «железной чаши риса».

Госплан Яо Илина поддержал ликвидацию двойной системы путём радикальной корректировки регулируемых цен. План подробно обсуждался в Бэйдайхэ, где, по словам Чжао, важные провинции, включая Шанхай и даже Тяньцзинь, не озвучили чётко своих оговорок. Сразу же после этого он был отозван, потому что внезапно распространились слухи о том, что цены взлетят до небес. Чжао, по-видимому, использует эвфемизм «психологических ожиданий» инфляции для описания саботажа реформы цен некоторыми торговыми и промышленными фракциями. Дело в том, что вынужденная корректировка цен, свёрнутая почти сразу после объявления, вызвала очень сильную инфляционную реакцию с эпицентром в южных провинциях – «панику 1988 года».

Южная банковская “жакерия”

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, прошедшего в 1978 году, банковские вклады выросли на 100 млрд юаней. Летом же 1988 года они рухнули на 40 млрд. Объявление о колоссальном переводе через двойную систему побудило «многие магазины и предприятия» повысить цены на открытом рынке, но это породило ожидание того, что инфляция обесценит сбережения, отсюда и массовое бегство средств из банков.

Чжао Цзяян хотел поднять процентные ставки по банковским депозитам, чтобы обеспечить их реальную стоимость, но Ли Пэн и Яо Илин возражали, что это приведёт либо к повышению

процентных ставок по корпоративным кредитам, а значит, к росту стоимости долга для «государственных предприятий», либо к чрезмерному давлению на госбанки, застрявшие между высокими ставками по вкладам и невозможностью поднять ставки по кредитам, что нанесло бы ущерб должникам. Компромиссом стало объявление о том, что государство гарантирует стоимость депозитов и проводит новую «корректировку», но, по словам Чжао, это была негативная реакция на реформы, потому что план перераспределял полномочия, которые были переданы провинциям. Меньше чем через год, то есть в 1989 году, Китай столкнётся с рецессией.

Реакция на “реформы и открытость”

Чжао пишет, что «чрезмерная реакция» 1988 года привела к непредусмотренному сжатию, которое продолжалось до “Путешествия на Юг” Дэн Сяопина в 1992 году. «Несмотря на многочисленные опасения, стратегия развития прибрежных регионов в конечном итоге была одобрена Политбюро [ЦК КПК] и реализована». Однако события 1988 года были только предвкушением политического кризиса “реформ и открытости” – политического цикла, который развернулся в форме демонстраций на площади Тяньаньмэнь, ставших отголоском стратегии развития прибрежных регионов.

Чжао предвосхитил это в главе о стратегии 1988 года: «После Четвёртого июня [1989 года] стратегия больше не упоминалась по имени, но на самом деле её реализация продолжалась. Именно благодаря устойчивому развитию экономики прибрежных регионов всего за несколько лет страна достигла больших объёмов экспорта, а валютные резервы колоссально выросли. Было ли это потому, что мы пошли по этому пути, или нет? Конечно, после Четвёртого июня никто уже не мог говорить об этой стратегии как о политике, так как это навредило бы её ещё более активной реализации».

1988 год был годом Дракона – весьма раздражительного зверя. Начинаясь 1989 год – год Змеи.

Апрель 2020 г.

1 – Черветто А. Ястребы, голуби и аисты // Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 470.

2 – Термин, обозначающий гарантированный доход.

Паника 1988 года вызывает призрак фрагментации

В период с 1988 по 1989 год в результате ожесточённых дискуссий коллективное руководство КПК пошатнулось. По словам биографа Чэнь Юня Гао Цяна (*“Chen Yun Thought and Practice of Anti-inflation”*, 2015), Чжао Цзыян утверждал, что «инфляция не является серьёзной проблемой», поскольку она испытывает «давление со стороны различных секторов центрального правительства и провинций, которые хотят сохранить темпы роста».

В сентябре 1988 года, выслушав отчёт об инфляции (23 %) и банковской панике на юго-востоке страны, Дэн Сяопин, напротив, заметил, что прав был старик Чэнь Юнь: «Авторитет ЦК должен быть укреплен. Товарищ Чэнь Юнь сказал, что слишком много королевств [...], которые действуют независимо. Эта критика верна» (Ye Yonglie. *He Influences China*, 2013).

Политика «реформ и открытости» привела к тому, что темпы развития и международные ориентиры провинций – «королевств», по терминологии Чэнь Юня, – разошлись, а тот факт, что они всё больше соприкасались с мировым рынком, обладая разными уровнями производительности, подпитывал инфляцию. По сути, Чэнь Юнь рассматривал инфляцию как одно из проявлений плюрализма сил, создающего напряжение в процессе политической централизации Китая. Концепция монетарной стабильности как выражения политической силы государства являлась константой его стратегического мышления.

В конце 1988 года дискуссия была настолько острой, что подтолкнула Чэнь Юня к упоминанию «гоминьдановской гиперинфляции».

Гоминьдановская гиперинфляция

Гао Цян, высокопоставленный сотрудник Министерства финансов, прошедший обучение в центральном банке, пишет, что Чэнь Юнь «вынес на своих костях» опыт гиперинфляции в течение двенадцати лет с 1937 по 1949 год, когда Китай был разорван на части японским вторжением, второй империалистической и гражданской войной. Чэнь использовал эту ссылку, когда нужно было извлечь из неё политические уроки.

В китайской истории, пишет Гао, инфляция сопровождала падение многих династий. В то время «монетарная система Китая была чрезвычайно сложной и хаотичной [...], и как широкие массы, так и деловое сообщество сомневались в национальной неконвертируемой бумажной валюте». Инфляция 1937–1949 годов «вызвала крах Гоминьдана в материковом Китае», «но главная причина этой гиперинфляции – война». «Цены выросли в 8,5 трлн раз за двенадцать лет, превзойдя известную немецкую инфляцию после Первой мировой войны».

Гао Цян уточняет, что этот опыт также является основополагающим для китайского центрального банка. Чтобы понять подход Чэнь Юня в 1988 году, полезно увидеть некоторые этапы. В этой статье мы не можем анализировать политические течения Гоминьдана, их междуна-

родную ориентацию, региональные коалиции с буржуазными фракциями и отношения с полевыми командирами, некоторые из которых были также банкирами, а также не можем осветить их комбинации в течение двенадцати лет войн, азиатской и мировой. Мы лишь ограничиваемся описанием того, как Гао связывает инфляцию 1980-х годов со смертельным риском фрагментации Китая, хотя он исследует период международной борьбы, который нельзя сравнивать по интенсивности и жестокости с либеристским циклом.

Национализация серебра

Гоминьдан учредил центральный банк националистического правительства в 1928 году со штаб-квартирой в Шанхае. В 1933 году, после японского вторжения в Маньчжурию, он предпринял первую монетарную реформу, заменив серебряный таль (традиционную китайскую валюту) серебряным долларом, привязанным к обязательствам нового националистического правительства, но всего через два года, в 1935 году, он был вынужден отказаться от конвертируемости («действующей со времён династии Мин») и ввести банкноты фаби (законного платёжного средства).

По словам Гао, реформа 1935 года была продуктом международных условий, «ответом на американскую политику в отношении серебра», которая с 1934 года (с принятием “Silver Purchase Act”) обуславливала постоянный отток этого драгоценного металла из Китая. С одной стороны, это был шаг вперёд для китайской монетарной системы, усиливший Гоминьдан, поскольку националисты взяли под свой контроль банковскую систему, реквизируя серебро и положив конец праву частных банков выпускать банкноты, несмотря на противодействие некоторых шанхайских банков, финансировавших Северный поход (1926–1928). С другой стороны, выпуск фаби в качестве бумажных денег подготовил почву для гиперинфляции 1930-х годов. Более того, даже до японского вторжения (случившегося в 1937 году) монетарный суверенитет Гоминьдана не был бесспорным.

Фактически КПК выпускала серебряные монеты в провинциях Цзянси, Аньхой и Сычуань, а банкноты печатала на юге и в городе Яньнань (Snow E. *Red Star Over China*, 1937). Когда в 1935 году Гоминьдан реквизировал серебро, КПК изъяла его монеты из обращения, получив одно из немногих сокровищ, которые не попали в руки националистов.

Монетарная война с Японией

К концу 1938 года Япония контролировала треть территории Китая, 40 % сельскохозяйственного производства и 92 % промышленных мощностей. Налоговые поступления резко упали, и Гоминьдану пришлось финансировать военные расходы за счёт продажи иностранной валюты и выпуска большого количества фаби. Война с Японией также была «монетарной войной»: в декабре 1937 года в

Пекине было создано временное правительство Китайской Республики во главе с Ван Кэмином, в марте 1938-го было сформировано реформированное временное правительство Нанкина во главе с Лян Хунчжи, выпускавшее банкноты в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой и Шанхае при поддержке японских банков.

В марте 1940 года два правительства объединились в националистическое правительство Нанкина, возглавляемое прояпонской фракцией Ван Цзинвэя, который вместе с Центральным резервным банком в Шанхае и Нанкине начал печатать чубэй цюань – валюту, конкурирующую с фаби во внутреннем обращении и сборе валютных резервов, необходимых для поддержки международных отношений (от торговли до военных поставок) (Zhaojin Ji. *A History of Modern Shanghai Banking*, 2003). Между 1939 и 1941 годами, несмотря на англо-американскую финансовую поддержку фаби и даже благодаря ей, часть китайской буржуазии начала накапливать немонетарные резервы, чубэй цюань и даже иены. «Доверие к фаби было подорвано войной».

Гао напоминает, что, согласно монетарным соглашениям Второго объединённого фронта (КПК и Гоминьдана против Японии), маоистский военный округ Яньнань не печатал валюту, а Восьмая армия финансировалась националистами. Однако для сохранения своей военно-политической автономии в июне 1938 года КПК начала печатать облигации (гуанхуа цюань) в качестве дополнительной валюты к фаби. Это оказалось принципиальным после «аньхойского инцидента» между националистами и Новой 4-й армией Е Тина, который в январе 1941 года положил конец существованию Второго объединённого фронта.

Прорыв монетарного фронта

В феврале 1941 года Яньнань ввёл свою собственную валюту (бианби), чтобы вытеснить фаби из районов КПК. Однако речь шла об отсталых с капиталистической точки зрения областях, да и монетарная политика была простейшей. Жэнь Биши, назначенный ЦК КПК для выполнения финансовой работы, поддерживал политику «большой глоток, маленький плевок», то есть осмотрительность в эмиссии во избежание инфляции. Без поражения Японии в Тихом океане и установления КПК сбалансированных отношений с США и СССР бианби, заменённая в 1944 году циркуляционным документом (шанье лютун цюань), осталась бы не более чем экспериментом.

В период с 1943 по 1945 год обменный курс между чубэй цюань и фаби изменился от паритета до 32:1. Однако в то же время индекс цен производителей промышленных товаров вырос почти в сто раз. В августе 1945 года Гоминьдан вернулся в Нанкин и конфисковал японское имущество. Националистический центральный банк приобрёл прояпонский Центральный резервный банк и снова стал единственным эмиссионным

органом. Однако его суверенитет был нарушен гражданской войной.

Гиперинфляция и гражданская война

В 1946 году при военной поддержке СССР КПК завоевала Северную Маньчжурию. Чэнь Юнь, глава финансового отдела Северо-Восточного региона, смог посвятить себя «городам и отраслям, а также более сложным фискальным и экономическим вопросам», чем в период пребывания в Яньне. Маньчжурия – одна из промышленных баз Китая, созданная Японией – должна была поддерживать военную экономику КПК: по мнению Чэнь Юня, «финансовая работа», должна была «заниматься важными положениями, а не второстепенными по отношению к военным делам».

В период с 1945 по 1948 год выпуск фаби увеличился в 1.190 раз, а цены в Шанхае – в 14.238 раз. Чтобы поддержать военные действия против маоистов, националистический центральный банк израсходовал половину золотого запаса, но не смог контролировать «чёрный рынок», участники которого восстали против его власти и начали прятать золото в хранилищах Шанхая и Гонконга. Гражданская война заставила ускорить выпуск фаби, и с января по август 1948 года тираж увеличился с 30 до 700 трлн.

В августе Гоминьдан заменил фаби золотым юанем (цзинь юань цюань) – конвертируемой единицей, равной 3 млн фаби. Но эта попытка была жестоким отчаянием: Чан Кайши отправил тайную полицию в Шанхай, Тяньцзинь и Гуанчжоу и «попытался использовать диктатуру для контроля над ценами». Гоминьдан приказал банкам сдать золото, серебро и иностранную валюту в обмен на золотые юани и арестовал тех шанхайских банкиров, которые отказались это делать. Гао пишет, что «даже военные и политические подразделения Гоминьдана отказались от золотых юаней, а местные органы власти готовились к выпуску местной валюты», в то время как «некоторые сельские районы отказались даже от первоначальной бартерной фазы». С другой стороны, Гоминьдан «также выпустил большое количество фальшивой валюты в освобождённых [КПК] районах, чтобы побудить спекулянтов вмешаться в финансовые дела» и «монетарную борьбу» между двумя партиями.

Чэнь Юнь – отец юаня

В период с конца 1948 по 1949 год выпуск золотых юаней превысил установленный лимит в 200 миллионов и достиг 68 миллиардов. Военные поражения гоминьдана непоправимо усугубили финансовый кризис, и золотой юань рухнул, став макулатурой. В Шанхае Гоминьдан ещё успел расстрелять рабочих, протестовавших против дороговизны жизни.

Чэнь Юнь, назначенный в 1949 году для работы с банками Шанхая, напротив, извлечёт два основополагающих урока из «двенадцати лет», отмеченных выпуском шести валют: недоверие к зигзагам китайской буржуазии и необходимость защиты монетарной власти от фрагментирующего влияния провинций.